

Яна Темиз

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

Сыщик Кемаль

Яна Темиз

Золотой день

«Товарищество научных изданий КМК»

2002

Темиз Я.

Золотой день / Я. Темиз — «Товарищество научных изданий КМК», 2002 — (Сыщик Кемаль)

ISBN 978-5-9908840-1-4

По давно сложившейся традиции десять подруг разного возраста, социального статуса и достатка раз в месяц собираются на своеобразный «девичник», который в Турции называют «золотой день». После очередной встречи начинается череда загадочных смертей, которые, казалось бы, никак не связаны друг с другом: несчастные случаи, странные стечения обстоятельств... Однако сыщик Кемаль и его жена Айше, волею случая оказавшаяся вовлечённой в трагические события, понимают, что все нити тянутся к злополучному «золотому дню», и приступают к расследованию серии преступлений.

ISBN 978-5-9908840-1-4

© Темиз Я., 2002
© Товарищество научных изданий
КМК, 2002

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	6
1	6
2	9
3	14
4	20
5	24
Глава 2	28
1	28
2	32
3	37
4	40
5	45
6	49
7	53
8	57
Глава 3	61
1	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Яна Темиз

Золотой день

Моим турецким подругам – таким разным и замечательным! – с любовью и благодарностью

*«...О вы, несчастные, следующие на Восток
и глядящие с тихого корабля на Запад!»*

Орхан Памук «Чёрная книга»

Вместо предисловия

Я, как, скорее всего, и вы, не люблю предисловий: книга говорит сама за себя, зачем читателю мнение редакции или оправдания автора? Но если роман издан через много лет после написания, каких-то объяснений не избежать.

Я начала сочинять эту историю, когда прожила в Измире «уже» (давным-давно превратившееся даже не в «ещё», а в снисходительное «все-го-навсе-го»!) года три-четыре, присмотрелась, вписалась в здешнюю жизнь, обрела круг общения, стала ходить в гости и получать приглашения на так называемые «золотые дни». Нет-нет, я не скажу вам, что такое «золотой день»: вы узнаете это из книги, которую держите в руках и которую я задумала, едва узнав об этой местной традиции. Пожалуй, это самый «турецкий» из моих романов: отчаявшись заинтересовать российских издателей не курортной и не восточно-орнаментальной Турцией, я решила обойтись без русских персонажей: их тогда действительно не было в моей жизни. Мне хотелось, чтобы этот роман был во всех отношениях «женским» и при этом не соответствовал расхожим представлениям о написанной дамами и для дам беллетристике. О женщинах, но не о молодых и красивых, без непереносимой любовной интриги, без идеальной и непобедимой главной героини... я смотрела на своих турецких приятельниц и писала – о них. И обо всех нас: разве в мире есть «они» и «мы»? Разве это не придуманные нами самими группы, наделённые нами же вымышленными смыслами? Жизнь в турецком Измире избавила меня от множества предубеждений и стереотипов и научила писать не о «турках» и «русских», не о «турецких домохозяйках», не о женщинах и мужчинах – а просто о разных людях, не приписывая им никаких мнимых, общих для неких мнимых групп свойств. А Турция для меня – не просто место действия моих романов, не декорация и пейзаж, а полноправное действующее лицо и даже в какой-то степени мой постоянный и верный соавтор.

Этот роман был закончен очень давно, он входит в серию из пяти детективов, продолжая «Голубую розу» и предшествуя «Призракам балета» и «Саду камней». С тех пор я выросла и повзрослела, Турция сильно изменилась, мои героини сейчас тоже были бы не такими, как двадцать лет назад, но я всё равно их люблю и надеюсь, что вы отнесётесь к ним снисходительно.

Спасибо всем, кто поддерживал меня, и тем, благодаря кому мои фантазии обрели обложки и превратились в настоящие книги.

С надеждой, что книга понравится.

Яна Темиз

Глава 1

1

– Айше!

Нет ответа... господи, где она?!

– Айше! Ты дома? – Кемаль поспешно захлопнул входную дверь и прошел в квартиру. На кухне и в комнате, которую они называли кабинетом, горел свет, пахло чем-то вкусным, и ему, много лет проработавшему в полиции, этих признаков должно было бы быть вполне достаточно, чтобы понять: жена дома – и не задавать глупых вопросов.

Но он всегда их задавал. Он был женат уже почти год, но до сих пор не мог и боялся поверить этому факту. Собственному счастью, как принято выражаться в романах. Ему казалось, что однажды все это кончится: он придет домой, а ее, единственной женщины, на которой ему захотелось жениться и которой почему-то вздумалось согласиться на это, – ее не окажется ни в одной из комнат его жизни.

Коллеги с удивлением замечали, что, женившись, Кемаль вовсе не изменил своей привычки допоздна засиживаться на работе и не спешил домой, как все семейные люди – особенно молодожены. А он не хотел и не мог себя заставить приходить в пустую квартиру. Его жена не была домохозяйкой, преподавала в университете и обычно возвращалась в то же время, что и муж. И Кемаль всегда старался подгадать так, чтобы, подходя к дому, видеть горящий в окнах свет, а прямо в прихожей улыбку и глаза жены.

Сегодня тоже горел свет, но...

– Айше! Где ты?! – он стремительно шагнул в коридор.

– О господи! Как ты меня напугал! Что ты кричишь? Что-нибудь случилось? – теперь, когда она была рядом, Кемаль мог снова стать самим собой и спокойно воспользоваться опытом детектива: в руках жены стопка чистого белья, значит, она была на балконе, поэтому и звонка в дверь не слышала. Она здесь.

– Ты здесь. Тогда все в порядке и ничего не случилось, – обняв ее вместе с ворохом полотенец, простынь и собственных рубашек, он с облегчением удивлялся своей глупости.

– Конечно, я здесь. Я же сегодня рано заканчиваю, забыл? Или ты, как обычно боишься, что я от тебя сбежала? – засмеялась Айше, зная тайные страхи мужа, как и все его остальные мысли. – Или у вас завелся маньяк, и ты предполагал, что обнаружишь мой холодный труп? Тебе вредно столько работать. Пусти, я белье отнесу.

Вот, пожалуйста. Откуда ей, спрашивается, знать, что маньяк вполне возможно... нет, второй случай – это еще не повод, чтобы говорить о серии, и по первому эпизоду у него был прекрасный подозреваемый, которого, кажется, придется выпускать, ведь столько деталей совпало. Но Айше-то этого знать не могла! И не надо ей знать, не будет он ее пугать маньяком, в которого еще и сам не поверил.

– Я, между прочим, не с работы, а от издателя, забыла? – повторил он ее интонацию.

– Конечно, забыла, это ты у нас все помнишь. И что они сказали? – голос Айше слышался откуда-то из спальни.

– То, что я и предполагал, – моя руки и чуть повысив голос, чтобы перекрыть шум воды, ответил Кемаль. – Придется тебе все-таки заняться любовью. Не понимаю, почему ты не хочешь? Разве так трудно?..

Смех Айше прервал его возмущенные вопросы:

– Ты сам-то слышишь, что говоришь? Хорошо, я знаю, о чем речь, а то можно бог знает что подумать! Не буду я заниматься твоей любовью – во всяком случае, в этом смысле.

– Да уж, сказал я удачно, – тоже засмеялся Кемаль. – Но ты меня простишь. А издатель сказал, что если берешь женский псевдоним, то надо бы побольше любви. А у меня на это таланта не хватает. Да и неохота мне про любовь... Надо же, случайно написал детектив, так теперь с меня требуют, как с настоящего писателя. Кстати, мне и редактор их посоветовал с тобой поговорить. Пусть, мол, госпожа Айше напишет, она сумеет, все равно у вас псевдоним...

– «Она сумеет»! Лучше бы он мою собственную повесть издал, а не советы давал. Зачем ты связался с женским псевдонимом, не понимаю. Отдал бы под своим именем – и все. Иди лучше ужинать.

– Ты же знаешь, как это получилось. Из-за тебя. И никакое имя, кроме твоего, мне тогда в голову не приходило, – выходя на кухню, сказал Кемаль.

Айше знала, как это получилось. Цепочка случайностей, не более того. То, о чем обычно говорят: «Так не бывает».

Чуть больше года назад она, тридцатилетняя, разведенная и привлекательная преподавательница английской и французской литературы, доктор филологии и тайная поклонница Агаты Кристи, оказалась впутанной в историю, каких, как считается, не бывает. Она до сих пор была убеждена, что все это случилось с ней потому, что однажды ей привиделся детективный роман. Приснился наяву. Совершенно готовый – от первого до последнего слова. Нужно было только сесть и записать.

Что Айше и сделала.

Но этого, как утверждала она потом с мистицизмом профессионального литературоведа, нельзя делать безнаказанно. Она написала всего две или три главы, когда буквально в соседнем доме произошло убийство. Тогда же она познакомилась с Кемалем, хотя ее, как раз в то время размышлявшую, не выйти ли ей замуж за ее тогдашнего возлюбленного, это знакомство заинтересовало только в связи с расследованием.

Почему, спрашивается, раньше нигде поблизости не совершались убийства? Почему раньше она от силы два раза в жизни беседовала с полицейскими? Почему не была свидетельницей, лжесвидетельницей, подозреваемой, подозревающей, знакомой убийцы? Почему? Да все потому же: не надо сочинять детективы! Но и это соображение ее тогда не остановило, потому что ни рациональными, ни мистическими соображениями невозможно остановить ни графомана, ни настоящего писателя. Айше не задумывалась, к какому из этих двух разрядов она принадлежала. Вероятно, потому, что ни графоману, ни настоящему писателю не свойственно об этом задумываться. Они просто пишут. И Айше писала.

Потом обстоятельства сложились так, что неожиданно предложенная ей поездка в Англию пришлось как нельзя кстати. В тот момент ей казалось, что это не просто лестное приглашение солидного университета, не очередной шаг в ее и без того удачно складывающейся карьере, а возможность уехать от всего, связанного с тем убийством. И от всех в нем замешанных.

Она уехала. Договорилась с симпатичным и откровенно симпатизирующим ей полицейским, что он снимет освобождаемую ею квартиру, в которой позволит оставить некоторые вещи, принадлежащие Айше. В основном многочисленные и тяжелые книги, которые непросто перевозить с места на место и нельзя хранить на даче у брата из-за влажности приморского воздуха.

Она уехала, поняв, кто совершил убийство. Уехала, не поговорив с Кемалем, а лишь оставив ему кое-что объясняющую записку с просьбой ничего не предпринимать и если не простить убийцу, то хотя бы предоставить ей – ее бывшей подруге, господи! – возможность жить по-прежнему. Только ради ее детей.

Наверно, это было неправильно, и Айше, говоря теоретически, осознавала, что зло должно быть наказано. Но это зло было обнаружено ею, и никем другим, и она побоялась

выступать орудием возмездия. На душе было смутно, понятия путались, с женихом она рассталась, подруга оказалась убийцей – словом, уехать, уехать от них всех, уехать подальше! Это казалось наилучшим выходом, и он был ей предоставлен благосклонной судьбой.

А озадаченный Кемаль, чтобы разобраться-таки в этом убийстве, на расследование которого начальство смотрело сквозь пальцы, стал записывать все мелочи и подробности происшедшего. Это было даже приятно: сидеть в бывшем кабинете Айше, видеть перед собой ее книги, смотреть на случайно забытую ею фотографию и заниматься тем же, чем любила она. Писать – он тогда не думал, что это будет: просто ли несколько страниц текста, связный отчет о расследовании, статья, книга?

Коллега, которого он, изменив все имена, попросил прочитать то, что получилось, предложил показать «это» знакомому журналисту, и вскоре Кемаль, к своему немалому удивлению, оказался втянутым в какие-то неожиданные отношения и переговоры. Он постоянно слышал и произносил прежде далекие от его жизни и работы слова: корректор, макет, тираж, гонорар. Тогда-то он, у которого, как он и сказал Айше, в голове не было иного имени, кроме ее, решил использовать его в качестве псевдонима. Потому что редактор уверял, что повесть под названием «Голубая роза» просто неприлично подписывать мужским именем, что бы там эта аллегория ни означала.

– Есть законы рынка и читательские ожидания. Ими нельзя пренебрегать. Если вы, конечно, хотите, чтобы вашу книгу прочитал кто-нибудь, кроме редактора и корректора. И любовную линию надо бы усилить... а то как-то у вас одни сухие факты.

– Ты же знаешь, я про любовь говорить-то не очень умею, да и не люблю я этого, – морщился Кемаль, все еще надеявшийся, что ему удастся уговорить жену что-либо написать за него.

– Да знаю, знаю. Стоит только вспомнить, как ты мне предложение делал. Другая на моем месте и слушать бы не стала.

– Поэтому никакая другая и не была на твоём месте.

Телефонный звонок прервал их разговор и незамысловатый ужин, приготовленный вечно занятой и не слишком хозяйственной Айше.

2

На ее месте действительно не могла оказаться никакая другая.

Кемаль прожил холостяком до тридцати пяти лет и, увидев Айше, сразу понял, какой представлял себе свою воображаемую жену. Хотя в ее внешности и манерах не было ничего, располагающего к любви с первого взгляда. Хотя сам Кемаль не верил в подобные романтические глупости. Хотя она вряд ли понравится его старшей сестре. Хотя она собиралась замуж за другого. Хотя... и тем не менее это должна была быть она.

После их недолгого знакомства она уехала в Англию, но Кемалья это не очень огорчило. А если бы она жила по соседству, что бы это изменило? Разве это означало бы, что она ближе к нему?

Книги внушали надежду. Они стояли на своих местах, обещая возвращение хозяйки. Несколько картин на стенах тоже принадлежали Айше, и Кемаль, глядя на них, любил думать о том, как она вернется, и что он ей скажет, и как они будут вместе пить кофе или пойдут куда-нибудь поужинать.

Ее приезд почему-то представлялся ему именно приездом: она позвонит в дверь, он откроет. Или, если его не окажется дома, она воспользуется своим ключом. Кемаль, вопреки здравому смыслу, не стал менять замки. Все в квартире напоминало ему об Айше, а работа не оставляла другого времени, чтобы думать и вспоминать о ней. Это был ее дом, и он ждал ее. И Кемаль ждал ее возвращения домой.

Поэтому ее голос в телефонной трубке в разгар рабочего дня оказался для него полной неожиданностью. Он даже не сразу узнал ее – настолько иначе мыслился ему ее приезд. Но она и не претендовала на узнавание: вежливо и почти официально назвала себя, вежливо поинтересовалась, есть ли у него время на разговор или лучше перезвонить попозже, вежливо сообщила, что вернулась на днях и, как только сможет, избавит его от своих книг и вещей. Это было так не похоже на то, чего он ожидал, что в первые минуты разочарование даже помешало ему вразумительно отвечать на вопросы.

– Где вы остановились? Уже нашли квартиру?

– Пока нет. Поживу немного у брата.

– Я хотел вам кое-что предложить... но... может быть, мы могли бы встретиться?

– Если вы собираетесь снова уступить мне мою квартиру, то это исключено. Вы же понимаете... туда я не вернусь. Даже к вам в гости не пойду. А книги...

– Да, да, я понимаю, конечно, – заспешил он. – Давайте встретимся где-нибудь... как говорится, на нейтральной территории. Где вам удобно.

– Давайте, – легко согласилась она. – За мной, кажется, долг?

– Долг? Что вы имеете в виду?

– Ужин. Вы же тогда не позволили мне заплатить за ужин. Теперь я вас приглашаю. Помните стоянку перед ректоратом? Приезжайте туда. В любой день на этой неделе. У меня там дела, я освобождаюсь в шесть.

– Договорились. Сегодня уже не получится, – с сожалением сказал Кемаль, – а завтра с удовольствием.

Завтра, которое, казалось, никогда не наступит, все-таки пришло и мучительно тянулось, а последние десять минут, проведенные им на университетской стоянке, явно решили дать понять, что они часть вечности.

Она подошла с другой стороны: двери ректората Кемаль держал под наблюдением. Почти не изменилась, только волосы стали короче и не были, как раньше, собраны в тугий пучок, а застегнуты как-то иначе. Тонкие изящные очки, классический светло-серый костюм с юбкой до колен, казавшейся то длинной, то короткой, маленькая сумочка и небольшой пакет в руках.

– Вы не из ректората? – первое, что пришло в голову, вместо «здравствуйте».

– Нет, я вас обманула. Иначе как бы я вас сюда заманила? Пойдемте. Здесь на крыше очень хороший ресторан. Закрытый. Только для работающих в университете. Я заказала столик.

– Значит, вторая часть нашего знакомства тоже начинается с обмана?

– Ну, я же потом обязательно во всем признаюсь. И довольно быстро. Долго лгать так утомительно. И вот... возьмите сразу... не люблю я этих сумок, пакетов...

– Я помню, – он действительно помнил о ней всё: все мелочи, которые успел подсмотреть год назад.

– Ах, да, у вас же память! – она тоже не забыла, это обнадеживало. Про знаменитую память Кемаля знали все его знакомые и беззастенчиво ею пользовались. Коллегам ничего не стоило позвонить ему поздней ночью или с утра пораньше и, назвав какую-нибудь весьма распространенную фамилию, спросить: «Ты случайно не помнишь, этот тип по какому делу проходил? Свидетелем, говоришь? А показания его помнишь?..»

– О вас я все запомнил бы и с самой обыкновенной памятью. А что это? – не дав ей никак отреагировать на его примитивный комплимент (вдруг бы ей не понравился подобный тон?), он перевел разговор на пакет.

– Английский сувенир, конечно. Куплен на самой Бейкер-стрит, можете поверить.

– Бейкер-стрит? Это, кажется...

– Ваша память, наверное, на литературу не распространяется? Там жил Шерлок Холмс. Это кружка. Будете из нее чай пить. Из большой кружки, как в Европе. И шарф. Типично сыщицкий шарф, по-моему. Будете в нем в засаде сидеть.

– Спасибо, – он был тронут. Значит, она вспоминала о нем. Значит ли это?.. Брось, ничего не значит! Но все равно приятно: оказывается, ему так давно не дарили подарков! – Знаете, по-моему, мне с детства не дарили подарков.

– Сколько мы не виделись? Больше года, да? Правильно, тогда была весна, – говорила она что-то незначительное, усаживаясь за столик. – Вид отсюда прекрасный, правда?

Они проговорили до позднего вечера, и это был единственный диалог в жизни Кемаля, который он потом, сколько ни пытался, не мог воспроизвести дословно. Вспоминались отдельные фрагменты, никак не желавшие складываться в логичное целое. Что соединяло их вместе – взгляды, улыбки, слова? Просто молчание? Закат и черный силуэт пальмы на быстро лиловевшем небе?

– ...расскажите об Англии. Как ваши лекции? Имели успех? Я даже боялся, что вы не вернетесь.

– Не вернусь? Глупости какие! Почему?

– Ну, мало ли. Вдруг бы вам предложили продлить контракт... или... вышли бы замуж за какого-нибудь лорда, – правда прикидывалась шуткой, чтобы не слишком навязываться.

– Ну конечно! За овдовевшего принца Уэльского! Честно говоря, я не видела ни одного лорда. А лекции... Сначала действительно имели успех. Но потом я поняла его цену. Знаете, на меня специально приходили смотреть – не слушать, а именно смотреть. Как на обезьяну в цирке. Надо же, подумать только: турецкая женщина, которая говорит по-английски, что-то соображает, читает лекции, при этом не носит паранджу и нормально выглядит, – это было выше их понимания. Они думают, мы здесь все забитые домохозяйки, не умеющие двух слов связать.

– Да вы, по-моему, больше похожи на англичанку, чем настоящие англичанки! Эти ваши костюмы строгие...

– Нет, не похожа. Это, кстати, тоже было неприятно: всем сразу бросается в глаза, что я иностранка. Обязательно начинается: откуда? Наверно, из Италии? Нет? Из Испании? Из Франции? Ах, тоже нет? Когда запас стран с брюнетками кончается, сообщаю: из Турции.

Ах, не может быть! Или: ах, как интересно! Почему, спрашиваю, не может? Или: а что же в этом интересного? Одни мнутя из вежливости, другие прямо говорят: вы такая образованная, современная, английский у вас прекрасный, – откуда в какой-то Турции такие женщины! И бесполезно доказывать, что у нас таких много.

– И голубые глаза вам не помогали?

– Нет. Все равно видно, что я не местная. Зато меня там почему-то считали красивой. Помните Катю – мою бывшую русскую соседку? Хотя что я говорю?! Она же теперь ваша соседка! Как она? Приезжает?

– Иногда. У нее сын родился. А почему вы про нее вспомнили?

– А когда ей говорили, какая она красавица, она всегда отвечала: это я у вас здесь красавица, потому что я другая. А дома в России я такая же, как все, даже хуже. Вот и я почти год была в роли восточной красавицы.

Надо было сказать комплимент, но их говорят обыкновенным женщинам, – разве ей можно? И беседа текла себе дальше. Без комплиментов.

– Здесь замечательно готовят кальмаров. Никогда не забуду, как приводила сюда Сибел и она всех замучила объяснениями, как правильно их готовить. До сих пор помню, что кальмаров, оказывается, положено предварительно вымачивать в лимонном соке с содой и сахаром. Нормальному человеку ни за что не додуматься! Особенно насчет соды.

«Сибел! Приводила Сибел. Видимо, с мужем. И она замучила «всех». Значит, были и другие действующие лица. Этот ее Октай. Интересно, она знает?..»

– Я напрасно вспомнила про Сибел, да? Вы ведь все поняли тогда?

– Наверное, Айше, – «госпожу» отбросим, почему не попробовать? – нам надо откровенно обсудить все это один раз и больше к этому не возвращаться. Да, я все понял. Сначала не поверил, доказательств-то никаких, но я подумал, что вы знаете что-то еще.

– Да. Знала. Я с ней разговаривала, и она сама призналась. Как мне показалось, даже с удовольствием призналась. Но вы правы: улики не было. Она же математик, все просчитала. Она?..

– Да, – понял с полуслова, хорошо! – С ней все в порядке. Родила четвертого ребенка, переехала в новую квартиру...

– В ту самую?..

– Представьте, да. Железная леди. А в ее бывшей квартире новые жильцы. И еще, Айше...

– Я уже знаю, – поняла с полуслова, прекрасно! – Можете не выбирать слова. Октай женился на красотке Дениз. Мне брат сказал, они же связаны каким-то бизнесом. А меня это как-то и не задело. Странно все-таки жизнь устроена! Если бы не эта история с убийством, я могла бы выйти за него замуж. И ведь он ни в чем не был виноват, если подумать, но почему-то меня его поведение тогда оттолкнуло. И вообще, все это прошло.

– Как ваш роман? – другой осколок разговора, и не вспомнить, где его место в мозаике? – Я вам сейчас скажу смешную вещь: я сам написал нечто, и это нечто вот-вот издадут, представляете? В приложении к газете, но издадут!

– Да что вы?! Это замечательно! Детектив, разумеется?

– Наверно, надо на вас обидеться. Ничего другого я, по-вашему, написать не в состоянии?

– Но я вовсе не имела в виду... А почему детектив – это плохо? Лично я их обожаю – хорошие, конечно.

– Англичане действительно постоянно говорят о погоде? – снова осколок, который непонятно куда приклеивать.

– Не больше, чем мы. У нас в Измире погода так же быстро меняется, как там, и мы, по моему, тоже все время говорим о погоде. Вот сейчас, например, как похолодало, да?

Похолодало и стемнело. Силуэт пальмы стал почти неразличим на фоне темного неба. В чашках темнел кофе.

– А я прочитал все ваши книги.

– Какой ужас! И Джойса?

– И Джойса.

– И как вам?

– Ну, это долгий разговор, Айше.

– Да, правда, поздно уже. А что вы мне хотели предложить насчет квартиры?

– Я хотел вам предложить выйти за меня замуж. Только у меня есть несколько условий... Айше засмеялась.

– Подождите, не смейтесь. Я абсолютно серьезно. А условия... Мы же взрослые люди и привыкли жить самостоятельно. Так вот, я не предлагаю вам менять ваш образ жизни. И не хотел бы менять свой. Поэтому вам не грозит превращение в домохозяйку, но вам придется смириться с моей сумасшедшей работой и с тем, что дома будут телевизор, и компьютер, и газеты. И с тем, что я никогда не могу сказать, во сколько вернусь домой и когда у меня выходной. И... Почему вы так смеетесь? Айше!

– Первый раз слышу такое предложение! Обычно начинают не со своих условий, а с обещаний выполнить все мои. И никогда их не выполняют.

– Вам делали так много предложений? – ревность не пожелала затаиться и вмешалась в беседу.

– Два, – чуть серьезнее посмотрела она. – Вы же знаете.

– Откуда? Хотя... да... понятно.

– Вы же сыщик, – кивнула она. – Я разведена, значит, хоть одно предложение мне делали.

А про Октя вы знаете.

– Честно говоря, я думал, вам их делали чаще.

– Не говорите глупостей. Ни одной женщине не будут делать предложение, если она этого не хотела и никоим образом не провоцировала. Всегда можно избежать неловкой ситуации, если не хочешь отвечать отказом.

Он не сразу нашел, что сказать.

Она могла избежать этого ужина и его предложения, и если она этого не сделала, то... может быть? Да нет, не может этого быть. Просто он умудрился создать ту редкую и неожиданную для нее неловкую ситуацию, которую она не предвидела и не провоцировала. И все же... Она сама позвонила, и привезла подарки, и согласилась пойти в ресторан, и улыбалась, и...

– А какие еще у вас условия?

– Айше, не смейтесь, пожалуйста. Лично мне не до смеха. Я ждал почти год, чтобы задать вам этот вопрос. Может быть, вам лучше не отвечать мне сразу? Вы подумаете... мы могли бы пообщаться, поближе познакомиться, а условия – это все ерунда, я волновался и, видимо, не с того начал. Пожалуйста, обещайте подумать всерьез...

– Да что же тут думать? Все понятно, – непонятно улыбнулась она. – Или мое согласие не входило в ваши планы?

– Айше... вы... вы не шутите? – он не мог поверить, что его несуразное, почти невежливое предложение, в котором он ухитрился обойтись без единого слова о любви, могла, будучи в здравом уме, принять хоть одна женщина. Господи, надо было все сказать не так!

Но все было сказано именно так.

– Вот ты и опиши, как герой говорит героине: «Выходите за меня замуж, только не выкидывайте мой компьютер и не превращайтесь в домохозяйку». А когда она согласится, пусть он ее еще поотговаривает: мол, в своем ли вы уме? Да понимаете ли, на что идете? Правда, если у тебя хватит таланта описать, какими глазами герой на нее при этом смотрел, то читатели поймут, что она не сумасшедшая, – насмешничала Айше каждый раз, когда муж предлагал ей написать за него любовную сцену. Сколько раз отказывалась, а он опять за свое... кто может звонить на домашний так поздно?

– Я подойду, – встав из-за стола, сказала она. – Тебе обычно на мобильный звонят.

– Добрый вечер, – услышал Кемаль из гостиной, – спасибо, все в порядке, а у тебя как?
Да-да, сейчас позову... А что у тебя голос такой? Ничего не случилось?.. Хорошо, сейчас.

3

– Твоя сестра, – прошептала Айше, прикрыв рукой принесенную на кухню трубку телефона. Это недавнее приобретение каждый раз радовало ее: как, оказывается, удобно передвигаться с телефоном по всей квартире! У Айше раньше не было ни мобильного, ни современного домашнего телефона, и вовсе не потому, что она не могла себе этого позволить. Она всегда неплохо зарабатывала, просто не интересовалась техникой и не дружила с ней. Не умела водить машину, не пользовалась компьютером, статьи и целые книги писала от руки или печатала на машинке, а купленную мужем посудомоечную машину впервые включила через месяц после установки.

Кемаль как мог боролся с консерватизмом и ленью жены, и Айше нередко соглашалась, что технический прогресс, несомненно, значительно упрощает жизнь. Жаль только, что сначала он ее весьма усложняет: надо ведь научиться всеми этими штуками пользоваться. И не сломать, нажав не ту кнопку, и держать в голове кучу ненужной, по мнению Айше, информации. Ей, филологу, было нетрудно помнить имена и фамилии писателей и персонажей, сюжеты и даты создания пьес и романов, но вовремя вспомнить цифровой код сотового телефона... домашний телефон такого напряжения мысли не требовал, и Айше его любила.

– Голос у нее странный какой-то...

– Добрый вечер, Элиф-абла, – отношения между женой и старшей сестрой никогда не радовали Кемалья.

Строго говоря, госпожа Элиф, солидная, высокая, чуть склонная к полноте дама лет сорока пяти (точнее, называвшая эту цифру уже года три-четыре), не была его родной сестрой, но отношения между ними всю жизнь были более близкими, чем между Кемалем и его двумя родными младшими братьями.

Отец Элиф остался вдовцом с трехлетней малышкой на руках, и у него, не имевшего иных средств к существованию, кроме небольшой зарплаты учителя, была единственная возможность как-то устроить свою жизнь – быстро подыскать себе подходящую жену. Что он и сделал, остановив свой выбор на доброй, простоватой и хозяйственной Гюльтен, жившей по соседству и искренне любившей играть с его дочкой. Молодая мачеха изо всех сил старалась заменить девочке мать и даже отказывалась сразу заводить собственных детей, боясь, что разница в отношении будет заметна и неприятна маленькой Элиф. Кемаль был почти на восемь лет моложе своей сводной сестры, и родители прилагали все усилия, чтобы между ними не было ни тени ревности или неприязни.

Их и не было. Подростая Элиф привыкла считать Гюльтен родной матерью, с радостью ждала появления на свет братишки или сестренки, с удовольствием превратилась из единственного ребенка в незаменимую мамину помощницу, почти взрослую, а Кемалю лет до пятнадцати и в голову не приходило, что Элиф и он родные только по отцу.

Потом, кажется, уже после смерти отца, он узнал правду, но она ничего не изменила в их дружеских и доверительных отношениях с сестрой. Элиф, к радости Гюльтен, рано и удачно вышла замуж за чиновника местного муниципалитета, родила сына, а похоронив рано сгоревшую от рака мачеху, стала с увлечением подыскивать невесту любимому брату.

Айше прекрасно понимала, что при таком раскладе у нее практически не было шансов понравиться будущей золовке. Вероятно, Элиф могла бы невзлюбить и любую из собственных протеже, которых она много лет безуспешно пыталась сосватать Кемалю. Но то, что брат женился, не посоветовавшись с ней, выбрав не юную девушку, а разведенную женщину тридцати двух лет, да к тому же куда более образованную, чем сама Элиф, – все это никак не могло способствовать ее любви к Айше.

Последней каплей стал роман.

«Он женился! Мой брат женился на какой-то девке! Ну почему это случилось именно с ним?! Именно со мной!» – так, этими самыми словами начинался детектив, написанный Айше, в котором была на удивление похожая ситуация. На удивление! Потому что писать она начала, будучи незамужем и задолго до знакомства с Кемалем и тем более с его сестрой. Это был не первый и не единственный в ее жизни случай, когда придуманные ею события и люди вдруг покидали предназначенный им виртуальный мир книжных страниц и вторгались в ее собственную реальную судьбу.

– А не надо было сочинять ничего плохого, – сказал ей Кемаль, когда после очередного визита к сестре расстроенная Айше пыталась шутить и проводить аналогии между поведением золовки и своей придуманной героини.

– Кто же знал? Я ведь не для себя сочиняла. Там у меня вообще-то все не так. И невестка – иностранка, и сестра ее мужа почти сумасшедшая. Но кое-какие моменты поразительно совпадают. Надо ей дать почитать: может, перестанет ко мне придирается...

– Не советую, – вполне серьезно сказал Кемаль. – Только хуже сделаешь. Я свою сестру лучше знаю. Обидится. И не поверит, что ты все это до знакомства с ней выдумала. Она же в принципе не понимает, как это можно – книжку написать. У нее и образование, и весь образ жизни не тот.

Айше не послушалась, а муж оказался прав. Элиф обиделась, некоторое время вообще не разговаривала с провинившейся невесткой, наивно верившей в торжество разума и здравого смысла; потом обе смягчились и ради любимого обеими Кемаля пошли на компромисс.

– Абла, честное слово, я написала это больше года назад. Ты здесь совершенно ни при чем, – оправдывалась Айше, в глубине души считая, что никакие оправдания в ее положении не нужны.

– Ты не могла написать это год назад. Как бы ты это написала, если мы тогда еще и знакомы не были? – не слыша доводов невестки, уличала ее во лжи Элиф.

В конце концов эти бессмысленные дискуссии прекратились, преступление Айше было, нет, конечно, не забыто и не прощено, но временно убрано на такую полочку памяти, откуда его можно будет в любой момент извлечь и при необходимости использовать в качестве отягчающего обстоятельства. А Айше ничего не оставалось, кроме как вести себя по возможности безупречно, чтобы необходимость заглядывать на ту полочку не возникала.

Ее собственный старший брат тоже был не в восторге от ее брака. В основном потому, что ему был гораздо больше по душе ее предыдущий избранник – обеспеченный, даже богатый, преуспевающий врач Октай Гюльолу, занимающийся в свободное от медицины время сделками с недвижимостью и связанный с адвокатом Мустафой Демирли дружбой, бизнесом и полным взаимопониманием. Айше сама познакомила Октая с братом, правда, без всякой задней мысли о будущем родстве. Скорее почувствовав в них родственные души.

Кемаля с Мустафой познакомило убийство. Что само по себе вызывало не слишком приятные ассоциации. Кроме того, адвокат был недоволен сестрой: у него в голове не укладывалось, как можно жить с мужчиной около двух лет (и так-то вещь неприемлемая, но что с этой феминисткой поделаешь? да и доктор Октай – это, конечно, не кто попало, ладно уж), а потом взять и отказаться выйти за него замуж. И что прикажете делать ему, адвокату, который дорожит отношениями с серьезным клиентом? А доктор Октай – это серьезно, более чем...

«Ты ставишь меня в крайне неловкое положение, – недовольно выговаривал он сестре, – ты преспокойно уезжаешь в Англию, а как я буду с твоим Октаем разговаривать?» – «Как с любым другим клиентом, я думаю. Любезно и предупредительно. Ты же по-другому не умеешь, – весело отзывалась Айше. – А за Октая не переживай, он утешится. И найдет на ком жениться. К тому времени, как я вернусь, вся неловкость рассосется. Мне же совершенно необязательно встречаться с твоими клиентами» – «Но это был бы такой удачный брак...» – «Откуда ты знаешь? Не все ведь зависит от денег» – «Не все, но многое!»

Их препирательства прекратились только из-за отъезда Айше. Октай вскоре действительно женился; с адвокатом продолжал спокойно общаться, правда, не знакомил Мустафу со своей женой и не делал шагов к семейному сближению. Встречались они только в офисе, Айше в их разговорах не упоминалась; неловкость, если она вообще существовала, не мешала деловым контактам, и адвокат постепенно успокоился. Ну не удалось выдать сестру за подходящего во всех отношениях человека, что поделаешь...

Известие о предстоящем замужестве сестры его не слишком порадовало. Полицейский... как будто ничего получше не могла выбрать!

– Не думал я, что твоя любовь к детективам примет такие извращенные формы, – Мустафа любил замысловатые формулировки и ни за что не упустил бы случая попрактиковаться в красноречии.

Впрочем, серьезных возражений против этого брака у него не было; Кемаль казался ему симпатичным и порядочным; жаль, конечно, что он не из состоятельной семьи, да и работа у него не обещает ничего, кроме опасностей и нервотрепки, но если Айше это устраивает... Словом, он быстро научился воспринимать Кемалья как данность и избавился от треволнений за судьбу незамужней, неустроенной в жизни сестры.

Родственники с обеих сторон встречались нечасто. Айше и Кемаль были настолько заняты каждый на своей работе, так уставали и так редко выбирались в гости, что приходилось ограничиваться телефонными звонками и неизбежными визитами в праздники.

Звонок Элиф был, в общем-то, делом обычным. Но, быстро припомнив, когда в последний раз он сам и Айше звонили ей, Кемаль сообразил, что что-то случилось. Его сестра строго соблюдала такие ритуалы, как очередность звонков и визитов, и не стала бы нарушать свои правила без причины. Поскольку Кемаль и Айше моложе, она сама должна звонить им, только если нужно поздравить их с личным праздником, например годовщиной свадьбы, или выразить вежливое недовольство тем, что они неприлично давно не звонили ей, или если нужно сообщить что-то действительно важное. Сейчас явно был последний случай.

Однако сестра не торопилась приступить к делу. Айше по ответам Кемалья легко угадывала, что говорят они ни о чем, обмениваются дежурными вопросами и ответами.

– Да... все в порядке... да... ужинаем... у нее тоже... а ты? А мой племянник как?... Прекрасно... надо же... я тебе всегда говорил, что с математикой у него все нормально... вряд ли, в эти выходные мы не выберемся... да?.. И что? Помню, конечно... и что потом?... Да не может этого быть... показалось тебе... а что я скажу? Ну кто же меня станет слушать? Скорее всего, это и не отравление вовсе... и потом все ведь живы-здоровы! Ну да... да... я понимаю. Айше?... не знаю... поговорю... ладно. Во всяком случае, ты в полицию не звони... Я подумаю. Да, счастливо... хорошо, хорошо, завтра же тебе скажу. До свидания... Айше!

– Не кричи, я здесь. Что там у нее стряслось? – Айше принялась убирать посуду.

– Да ерунда какая-то! Пересказывать и то глупо. У них на золотом дне... знаешь, она ходит на эти золотые дни?

Конечно, Айше знала. Сама она, как и большинство молодых работающих женщин, не имела ни времени, ни желания, чтобы участвовать в подобных развлечениях. Но для ничем другим не озабоченных домохозяек средних лет, дети которых уже выросли и не требуют постоянного присмотра, чем не способ провести время? Не хуже любого другого. Собираются раз в месяц, обмениваются новостями и сплетнями – к тому же с экономической выгодой. Хотя собственно выгодой это не назовешь: просто каждая ежемесячно вносит в общую кассу деньги, которых хватило бы на один грамм золота. Но то, что каждый месяц все эти деньги получает одна из них, как правило, устраивающая прием у себя, все-таки удобно. Получается весьма приличная сумма, которую сама домохозяйка вряд ли сумела бы сэкономить и отложить, – разве что у нее была бы очень серьезная цель и сильный характер. И, что немаловажно, муж, поощряющий ее цели и траты. А на так называемый золотой день мужья обычно дают

деньги беспрекословно: во-первых, это традиционная, одобряемая обществом форма женского досуга; во-вторых, на эти встречи нередко собираются соседки или жены сослуживцев, что позволяет приятелям-мужчинам в этот день свободно располагать своим временем и посидеть в кафе или сходить на футбол; в-третьих, в чем-то же надо уступить жене, так пусть это будет золотой день. И вреда никакого, и на просьбу дать денег на какую-нибудь обновку или духи всегда можно ответить: «Я тебе и так выдаю ежемесячно деньги на ваши дамские посиделки, на них и покупай, когда получишь».

– Да, знаю, – сказала Айше, – Элиф рассказывала про свою компанию. И что у них случилось? Деньги пропали?

– Какие деньги? – удивился Кемаль.

Айше часто озадачивала его своими неизвестно откуда взявшимися вопросами и высказываниями. Если, читая лекции и проводя занятия со студентами, она вынуждена была говорить понятно и логично, то с близкими позволяла себе расслабляться и, пропустив быстро мелькающую в голове цепочку мыслей, выдавала сразу вывод.

– А что там еще могло случиться? Они же деньги собирают. И ты упомянул полицию, в которую Элиф хотела звонить. Я и подумала, что они недосчитались денег.

– Не угадала, фантазерка! Сюжет гораздо круче. Этот золотой день был вчера и, не знаю уж, что Элиф там съела, но ей сегодня стало так плохо, что только сейчас, к вечеру, немного в себя пришла. Подожди, это еще не все! В том-то и дело. Она обзвонила остальных, кроме хозяйки, разумеется, чтобы не обидеть, и выяснилось, что то же самое случилось еще с тремя. И вдобавок ей некоторые признались, что месяц назад им тоже было плохо: расстройство желудка, рвота и все такое. Но Элиф ничего не знала, потому что собирались они у нее, и ей, как хозяйке, решили ничего не говорить. А сама она забегалась, закрутилась и ничего толком не пила, не ела.

– И что она подозревает? Что кто-то из ее подружек задумал перетравить остальных? Глупости какие. Ты кофе хочешь?

– Давай лучше чаю выпьем, в такую погоду приятно пить чай.

– Сейчас заварю, я тоже чаю хочу. И давай посильнее затопим, так холодно. Хоть в кабинете.

– Хорошо, – сказал Кемаль и пошел регулировать отопление.

Эта зима выдалась на редкость ранней и холодной. Необычно холодной для Измира. Едва закончился ноябрь, а дождливые, ветреные и просто холодные дни наступили так давно, что, казалось, вот-вот должна начаться весна. До которой еще ох как далеко. Кемаль попытался прикинуть в уме, во сколько же обойдется в этом году отопление. Прошлая зима была теплой и промелькнула совершенно незаметно для бюджета только что поженившихся и снявших квартиру Айше и Кемалья.

Вообще начало семейной жизни в экономическом смысле удивило их обоих. У них оказалась масса лишних денег. Разумеется, ведь до свадьбы каждый из них оплачивал квартиру и так или иначе укладывался в получаемую зарплату. Когда выяснилось, что теперь вместо двух квартир им надо платить всего за одну, причем небольшую, и что имеющихся у них обоих столов, кресел, кастрюль и прочего их молодой семье более чем достаточно, они какое-то время легкомысленно чувствовали себя вполне обеспеченными. Айше даже бросила почасовую работу в частной школе, где она несколько лет давала уроки французского языка. Работа эта ей не нравилась, была утомительной и нетворческой, дети богатых родителей избалованны, капризны и ленивы. Преподавание в университете в сочетании с научной работой и писательством в свободное время нравилось ей гораздо больше.

Кемаль был рад, что жена оставила вторую работу, хотя вовсе не считал, подобно многим мужчинам, что замужняя женщина должна сидеть дома и заниматься хозяйством. Во всяком

случае его Айше это никак не подойдет. Да и не смогли бы они прожить только на то, что зарабатывал он.

«Хорошо, наверное, быть богатым, – думал Кемаль, поворачивая регулятор отопительного котла, – можно не обращать внимания на погоду. И не вынуждать жену стоять у плиты, а покупать дорогие полуфабрикаты или ужинать в ресторане. И не думать каждый раз, что дешевле: ехать на машине или на автобусе... А что я могу при моей работе? Айше, конечно, не привередлива и никогда не станет жаловаться, но до этой зимы мы жили куда лучше. Приятно было бы осознавать, что она работает исключительно потому, что любит свою филологию и домохозяйкой быть не желает».

Мысли его вернулись к никогда не работавшей и как-то сводившей концы с концами сестре и ее проблемам.

– А чего она хотела от тебя? – Айше доставала чашки, и он понял, что, даже занимаясь разными делами в разных комнатах, они, как часто бывало, подумали об одном и том же. – Неужели правда в полицию обращаться собирается?

– Она хотела. Завтра к врачу пойдёт, потом в полицию собирается. Я ей сказал, что пока не стоит. Ничего же не случилось. Никто ее и слушать не будет. Нет события преступления. Она просила, чтобы ты к ним разок сходила.

– Я?! – от изумления Айше чуть не расплескала и осторожно поставила обратно на блюдце почти поднесенную ко рту чашку чая. – И что мне там делать?

– Ну, не может же она пригласить меня на золотой день! А ты другое дело. Они, как я понял, периодически приводят то дочек, то невесток. Элиф говорит, эти дамы давно хотели на тебя посмотреть.

– Представляю, чего она им про меня наговорила!

– Наверняка ни одного плохого слова. Насколько я знаю, у Элиф и ей подобных это не принято. О своей семье и обо всех своих...

– Ну да, ну да, как о покойниках!

– Ох, ну что у тебя за юмор, – невольно улыбнулся Кемаль. – Должна же ты когда-нибудь расплатиться за зlostное сочинение детективов. Между прочим, если ты откажешься, она от меня не отстанет.

– Да-а, – протянула Айше, – это довод. Серьезный. Как, оказывается, легко живется таким... ну... как бы это сформулировать... непробиваемым логикой. Все знают, что уговаривать их без толку, все равно не отвяжутся, лучше уж сразу уступить. Ты, кстати, сегодня работать собирался, не передумал?

– Нет, я тебя жду. Ты пойдешь в кабинет?

– Сейчас. Только посудомойку включу. Давай чашку.

– Не дам, я ее потом вымою. Давай скажем, что ты согласна, все равно следующая встреча у них почти через месяц, а за это время мало ли что произойдет. Или Элиф остынет, или у тебя возникнут неотложные дела, или придумаем что-нибудь.

– Вот уж нет! Ни за что! – Айше нажала нужные кнопки на посудомоечной машине, бросила на нее последний недоверчивый взгляд, словно сомневаясь, что какая бы то ни было техника будет ее слушаться, но, убедившись, что это чудо снова произошло, повернулась к мужу. – Не втягивай меня в это, ради бога! Один раз согрем, потом придется постоянно выкручиваться, ежемесячно придумывать причины для очередного отказа, да еще помнить, когда что именно согревали.

– Правильно! Проще разок сходить!

Айше засмеялась.

– Знаешь, как это называется? «Ей не нравилось с зонтиком в дождь, ему нравилось, когда женщина с зонтиком; ей не нравилось в новой шляпке под дождь, ему нравилось, когда женщина в новой шляпке; он покупает новую шляпку в дождь, она выходит в новой шляпке

под зонтиком», – продекламировала она. – Иными словами, глупой женщиной можно вертеть как хочешь.

– Глупые женщины не выдают наизусть такие цитаты. Это, кстати, откуда?

– Это, кстати, – передразнила она, – из якобы прочитанного тобой «Улисса».

– Почему якобы? Я прочитал эту крайне нудную книгу от корки до корки. Исключительно из любви к тебе. А ты хочешь, чтобы я запомнил ее наизусть? На это даже моя знаменитая память не способна.

– Лучше бы из любви ко мне ты перестал меня уговаривать тащиться на этот их золотой день. Охота мне тратить время на их сплетни да вдобавок наблюдать, не подсыплет ли одна из них кому-нибудь ложечку мышьяку вместо сахара. Ты ведь меня на это подбиваешь?

– Разумеется, умница моя. А тебе разве самой не интересно? Сюжет сам к тебе идет, просто просится, а ты отказываешься. Тут же все именно так, как ты любишь: ограниченное число действующих лиц в ограниченном пространстве, плюс неограниченные возможности напридумывать кучу всяких мотивов, поскольку знакомы все персонажи лет пятнадцать-двадцать. И никакой любви: одни пожилые дамы! Роскошный сюжет, позавидовать можно!

Глупость какая-то, а не сюжет...

4

Квартира, которую Кемаль и Айше с немалым трудом отыскивали в любимом обоими районе, была стандартной и не очень большой, но сейчас, с наступлением холодов, излишки площади, которую приходилось отапливать, немедленно дали о себе знать.

Когда они только приступили к поискам, Айше хотела снять такую же квартиру, как та, в которой она жила до замужества и в которой потом поселился Кемаль. Она была маленькая – две комнаты и гостиная, но уютная, хорошо спланированная и находилась в чистом, тихом, престижном месте. О том, чтобы остаться в ней, не могло быть и речи. Айше даже приходилось туда отказывалась. А попробуй-ка каждый день как ни в чем не бывало встречаться и здороваться с убийцей! Поэтому Кемаль, ошарашенный согласием Айше выйти за него замуж, немедленно известил домовладельца об отказе от аренды и бросился изучать мелкий шрифт газетных объявлений.

Но основные надежды они возлагали на прогулки. Часто желающие сдать квартиру предпочитали не тратиться на объявления и не связываться с агентствами, потому что желающие ее снять, как правило, предпочитают не платить агентствам, а иметь дело непосредственно с владельцем. И написанные кое-как от руки номера телефонов рядом с заветным словом «сдается» можно увидеть на окнах не реже, чем профессионально выполненные рекламные плакатики.

И Айше с Кемалем гуляли. Совмещая приятное с полезным. Наверно, иногда эта пара производила странное впечатление: они не смотрели друг на друга, порой оглядывались назад, иногда замирали на секунду, глядя куда-то вверх, а если поблизости был многоэтажный дом, внимательно пробегали глазами по всем окнам. Погуляв с неделю, они поняли: того, что они хотят, не существует в принципе. Маленьких квартир в этом районе почти нет, а свободных и маленьких – просто нет. Сдавались либо типовые: три комнаты плюс гостиная, либо квартиры класса «люкс», на которые будущие молодожены гордо не обращали внимания.

Надо было чем-то жертвовать: или своим представлением о желанной квартире, или районом. В центре и в районах новостроек небольшие и даже совсем крошечные квартиры наверняка были, но ни Айше, ни Кемаль и слышать не хотели о переезде в такое место, откуда не видно ни гор, ни моря, а до балкона дома напротив можно дотянуться рукой.

Таким образом, выбор был сделан в пользу стандарта; две комнаты превращены в кабинет и спальню, гостиная стала по совместительству гостиной и жилой комнатой, а лишняя комната какое-то время оставалась без названия и сначала предназначалась для гостей, если кто-нибудь из них пожелает остаться ночевать, но гости приходили нечасто, а ночевать и вовсе отправлялись домой, так что комната постепенно стала чем-то вроде склада и получила у двух любителей детективов наименование «запертая комната». Там стояла гладильная доска; туда на лето складывали зимние вещи, а на зиму летние; там удобно располагалось все то, что, как бывает в каждом, даже хорошо налаженном хозяйстве, выбросить жалко, а хранить негде; туда отправлялась сушилка для белья, если на улице шел дождь; там лежали, дожидаясь гостей, запасные подушки и одеяла, и Айше казалось, что, не будь у нее под рукой «запертой комнаты», куда всегда можно запихнуть все, не предназначенное для чужих глаз, ей никогда не удалось бы поддерживать даже подобие порядка в обитаемых помещениях.

Этой зимой стало ясно, что надо что-то менять. Вещи начали стягиваться в кабинет, к теплу. За ними потянулись и люди. Незаметно для себя они стали пить здесь чай и кофе, проводить вечера и почти все выходные, смотреть тоже перебравшийся сюда маленький телевизор и ... словом, почти жить.

Первой переехала в кабинет гладильная доска. Айше терпеть не могла гладить, но если рядом находился работающий за компьютером или просто развлекающий ее беседой муж, то

это занятие превращалось из маленькой трагедии в обычное дело, требующее, в сущности, не так уж много времени.

В первые дни их семейной жизни Кемаль, знающий феминистские взгляды жены и желая сделать ей приятное, заявил, что свои рубашки он привык гладить сам и не видит причин от этой привычки отказываться. К его удивлению, Айше решительно воспротивилась.

– Будем считать, что я не последовательная феминистка. Пережитки у меня! В доме полно работы для мужчины, и от нее ты меня освободишь. Так же как от походов на рынок и таскания сумок. Ненавижу покупать продукты. И если я буду больна, ты, разумеется, погладишь себе сам.

И раз в неделю, собравшись с духом, проводила час с утюгом в руках. Сегодня был как раз тот вечер, когда ей предстояло это сделать. Откладывать эту работу больше было нельзя, иначе им обоим завтра просто не в чем будет выйти из дома.

– Будешь гладить? – сочувственно спросил жену Кемаль, включая компьютер.

– А ты про любовь писать? – с той же интонацией отозвалась Айше.

– Предлагаю поменяться! Нет, правда, ну что тебе стоит? Ты сразу вспомнишь подходящие цитаты и выдашь их за собственный текст. Мне как минимум в двух местах нужны любовные сцены, и они будут макет делать. А я все поглажу.

– Там две мои парадные блузки, ты их сожжешь, – Айше выхватила из кучи подготовленного для глаженья белья первый попавшийся предмет и, как всегда, приступая к нудной и казавшейся бесконечной работе, вспомнила про свою бывшую подругу. Сибел умела рассортировать белье так, что гладить его становилось проще, а электроэнергии уходило меньше. Жаль, что Айше никогда не сосредотачивалась на ее советах.

– А что скажешь про золотой день? – Кемаль надеялся, что, отказавшись написать за него любовные сцены, она согласится хоть на это. Иначе Элиф завтра позвонит снова и снова будет просить его заняться исследованием их дурацких отравлений или вызовет, чего доброго, местных полицейских, а потом будет жаловаться на их невнимание. А потом с неё станет притащиться на работу к Кемалю и уверять всех, что ее чуть не отравили...

– А что можно сказать? Ты же сам понимаешь: придется согласиться и сходить. Я схожу. И доложу тебе, сколько каждая из них съела. По-моему, все очевидно: они на этих золотых днях подадут столько сладостей, что, естественно, им потом дурно становится. И никто их не травит, кроме собственной привычки к обжорству. Наверно, толстые все?

– Это мы выясним. Я тебе предварительно соберу информацию, список составлю, чтобы ты не запуталась, кто есть кто.

– А много их там? – безнадежно спросила Айше. Вечно появляются какие-то заботы, от которых не отвертишься. И неглаженного белья не убавляется...

– Ровно десять. Имена и все прочее завтра же разузнаю.

– Разузнаешь... ты, что всерьез это воспринимаешь?! И как ты вообще себе это представляешь? Приду я под видом гостыи, и что мне там делать? Дегустировать все их блюда и отравиться самой? Или торчать на кухне и не сводить глаз с хозяйки?

– Ты сориентируешься. Скорее всего, как ты понимаешь, там и следить-то не за чем. Случайно совпало и все. Но Элиф переживает, вообразила себе невесть что... Ты ее успокоишь. Ну, и приглядишься к ним, конечно. Вдруг и правда что-то есть?.. Завтра с Элиф поговорю, все про них выпрошу... Слушай, как лучше написать: «Он нежно взял ее за руку» или как еще? Хоть наречие можешь мне придумать?

– Да брось ты эти изыски! – Айше была невысокого мнения о писательских талантах мужа и не скрывала этого. – Ты же пишешь полудокументальные вещи, приложение к газете, это почти журналистика, зачем тебе их портить, идя на поводу у редактора? Думаешь, он понимает больше тебя?

– Может, он и не понимает, но без этой переделки они могут не согласиться печатать повесть и в приложении пустят кулинарные рецепты. А если я послезавтра принесу эти проклятые сцены и придумаю пусть бессмысленное, но завлекательное название, вроде той же «Голубой розы», то считай – дело сделано. А без моего хоть небольшого, но все-таки гонорара нам придется превратить еще две комнаты в «запертые» и зимовать в одной.

Он был прав. Водя утюгом по рубашкам и юбкам, Айше обдумывала ситуацию. В словах мужа не было упрека в расточительстве, но тем не менее она понимала, что, ведя она хозяйство по-другому, им не было бы нужды экономить. Они отнюдь не были бедны в примитивном смысле этого слова, у Айше были деньги, заработанные в Англии, но они оба решительно не хотели их тратить, надеясь, напротив, откладывать понемногу и скопить на покупку квартиры. Но ничего почему-то не откладывалось, и Айше подозревала, что виновата в этом она сама. Вместо того чтобы стоять у плиты и прислушиваться к мудрым советам практичных и экономных домохозяек, она по приобретенной за много лет привычке тратила свободное время на чтение, а в последние годы и на сочинение детективов. Которые, в отличие от документальных повестей Кемаля, пока вообще не грозили никакими гонорами.

«Это сложновато читать, – сказал ей редактор, – столько у вас здесь скрытых цитат, аллюзий, реминисценций. Слишком хорошо вы думаете о читателях» – «А вдруг это вы слишком плохо о них думаете? Вот вы же прочитали и все поняли» – «Видите ли, госпожа Айше, это моя профессия – прочитать, понять, оценить. Как, к слову сказать, и ваша. Да, я прочитал, и, могу признаться, мне ваша вещь почти понравилась. Если бы вы были меньше филологом и больше просто писателем... Ну кому нужны эти ваши иностранные цитаты?» – «Но у меня же русская героиня, не может она цитировать наши байки про Ходжу Насреддина!» – «Вот-вот! Правильно. Зачем вам вообще русская героиня?» – «Не знаю, – растерялась Айше, – как-то так получилось...» – «Получилось... Надо просчитывать последствия. У вас там, конечно, никакой политики, но эта героиня... и чеченская кампания... словом, в этом могут усмотреть... если вам непременно нужна иностранка, замените ее хоть на немку. В Германии сейчас полно смешанных браков. Поменяйте имя и все!» – «Но тогда придется менять половину сюжета! И я никогда не была близко знакома ни с одной немкой, только с англичанками, француженками, американками...» – «А с русскими?» – «С одной. Я с нее эту героиню наполовину списала. И она там как раз на месте. Иначе придется убирать все коллизии вокруг болгарского языка... и я специально перечитала столько русской литературы; и будет непонятна неприязнь к ней со стороны родни...» – «Вот! Вы сами-то себя слышите? Не-при-язнь! Уверяю вас, если бы дело происходило в России, а герои детектива вдруг оказались бы из Турции, тамошний редактор говорил бы автору примерно такие же слова. Короче говоря, вы подумайте. Повесть неплохая, пусть постоит. Мы от нее не отказываемся, но надо принимать во внимание конъюнктуру... посмотрим...»

И повесть лежала. У Айше не было ни сил, ни времени, чтобы обращаться в другие издательства, тем более что она никогда не сумела бы выговорить вслух иногда приходящие ей в голову слова: «Если вы не собираетесь подписывать со мной контракт с точно оговоренными сроками выпуска книги, то я хотела бы забрать у вас рукопись. Да, прямо сейчас». Произнести такое было выше ее сил.

Она писала уже третью повесть, получала от этого массу удовольствия и воспринимала свое занятие как безобидное хобби, которое вряд ли будет приносить доход. Если думать об отоплении, то лучше было бы давать уроки. Или вернуться в школу: всего-то три раза в неделю, а платили они неплохо. Но очень уж не хочется.

С другой стороны, неправильно взваливать все заботы о доходах и расходах на мужа. Она была не настолько феминисткой, чтобы заставлять мужчину гладить белье, но, вероятно, она все-таки была ею в достаточной степени, чтобы понимать: существование их семьи – забота общая. И ответственность следует делить поровну.

– Ладно, сейчас я тебе что-нибудь продиктую. Попроще. В духе дамских романов.

Продолжая гладить, Айше настроилась на описание страстей в стиле... нет, Голсуорси – это слишком целомудренно, Мопассан – слишком подробно, Достоевский – скажут, сложно. Надо что-нибудь типа «Унесенных ветром» или какой-нибудь «Анжелики». Быстро выяснив, что, собственно, должно произойти между персонажами и как они в самых общих чертах выглядят, она принялась выдавать длинные и вполне законченные предложения, профессионально делая паузы, чтобы Кемаль успевал набирать текст. Иногда, оставив утюг, она подходила к компьютеру и перечитывала набранное, потому что мгновенно забывала продиктованное и с трудом воспринимала текст на слух.

Почти доведя до конца одну из требовавшихся Кемалю любовных сцен, она спросила:

– Послушай, а не было у них... нет, ты это не пиши, я о другом. Не было там такого, чтобы, например, какое-то блюдо на оба мероприятия приносила одна дама? Или, может, они покупали что-то готовое в одном и том же месте?

– Вот видишь! – торжествуя повернулся от компьютера довольный Кемаль. – Я же говорил: тебе будет интересно. Уже и версии появляются! Да и вообще: сходи просто так, ни за кем не следи, а абла от нас отстанет!

«Она выходит в новой шляпке под зонтиком», – пробормотала Айше. Сколько же хлопот от ее неумения отказываться и лгать!

5

Кемаль был опытным сыщиком и знал цену информации. Любой. Кажущейся незначительной и не относящейся к делу. Поэтому подготовку к операции «Золотой день», как насмешливо называла намечающееся мероприятие Айше, он по настоянию Элиф проводил по всей форме. Правда, он рассчитывал, что это будет гораздо проще.

– Да-да, разумеется, – радостно и воодушевленно откликнулась сестра на его вопрос, – да я все про них знаю!

«Все» оказалось настолько ничтожным, что было просто смешно называть эту мелочь таким гордым словом. Имена и телефоны. Имена и телефоны – это было все, что знала Элиф. У двух своих приятельниц она ухитрилась не знать даже фамилий, потому что одна из них развелась, а другая, наоборот, второй раз вышла замуж, но в записной книжке Элиф они, разумеется, так и остались на своих прежних местах.

Сестра не могла назвать точно почти ни одного адреса, хотя регулярно бывала у каждой из девяти подруг. Но она то не помнила номер квартиры, потому что прекрасно знала, на каком она этаже и какого цвета у нее дверь; то не знала номера дома или названия улицы, хотя найти нужное место могла бы с закрытыми глазами; то действительно не знала ничего, потому что подруга переехала, а шла Элиф в ее новую квартиру, встретившись на автобусной остановке с двумя другими дамами, и, понятно, ничего не запомнила.

Она не знала ни возраста, ни дней рождения ни одной из женщин их компании, потому что если лет пятнадцать назад кто-нибудь из них мог охотно прибавить себе лет пять, чтобы устать остальных тем, как она прекрасно сохранилась, то в последние годы все предпочитали молчать о своем возрасте или повторять годами одни и те же весьма сомнительные цифры. Элиф тоже этим грешила, озадачивая Кемаль, который хорошо помнил и сколько лет сестре на самом деле, и сколько она соглашалась признать год или два назад. Эта женская арифметика не имела никаких правил, и сложение в ней часто оборачивалось вычитанием, а последовательность и логика в этой загадочной науке не приветствовались.

Итак, имелись имена, почти все фамилии, некоторые адреса или фрагменты адресов, догадки о вероятном возрасте и телефоны. Негусто. Кроме того, сразу выяснилось, что женщины с трогательным именем Джан не существует в природе. Ну, просто нет такого сочетания имени, фамилии и телефона в городе Измире – и все.

– Ой, да, конечно, – зашебетала в ответ на недоумение брата Элиф, – это же не ее официальное имя, ее все всегда зовут Джан, она такая милая, улыбчивая, все уж и забыли, как ее раньше звали...

– Джемиле – вот как, – мрачно сказал Кемаль, выяснивший, кому принадлежит названный сестрой номер, но не имевший возможности узнать об улыбчивости и доброте абонента, повлекших перемену имени.

– Ой, а откуда ты?.. Точно, я сама чуть не забыла. Джемиле Балкан, правильно! Неужели ты все проверял? – даже по телефону Кемаль чувствовал, как Элиф радуется: как-никак настоящий полицейский, серьезный и вечно занятый, принял ее жалобы всерьез, причем не ограничился пустыми словами и обещаниями, а предпринял настоящие, вполне реальные действия.

– Разумеется, я проверял. Если ты хочешь, чтобы Айше хоть что-то поняла в ваших проблемах, то как минимум имена она должна знать заранее. Чтобы не отвлекаться. Ладно, с этим все. Я все, что нужно, по телефонам установлю. Теперь вот что... – он помедлил, так и не решив перед этим разговором, как лучше его выстроить. Разумеется, Элиф нельзя давать понять, что все ее подозрения яйца выеденного не стоят. Поэтому чем больше вопросов ей задашь, тем лучше. С другой стороны, она так общительна, так впечатлительна и склонна к преувеличению, что может запросто выложить все услышанное любой из девяти подружек. Или всем.

Хороша тогда будет Айше со своим приходом на золотой день. Все будут смотреть на нее как на сыщицу, которую пригласили специально, чтобы вынюхивать, выискивать и уличить одну из них неизвестно в чем. А впрочем, их недовольство скорее обратится на саму Элиф, а она, как говорится, за что боролась... И Кемаль, отбросив сомнения и взяв насколько возможно деловой тон, приступил к допросу: – Меня интересует следующее: во-первых, кто именно чувствовал себя плохо. Если сумеешь, расспроси всех... м-м... ненавязчиво – вдруг это еще раньше началось, а ты не знаешь? – да, так, пожалуй, правильно. Сестре станет любопытно, да и обидно – как это, она чего-то не знает! – и она примется всех расспрашивать. Если бы она еще услышала его совет о ненавязчивости... Но это, вероятно, из области невозможного.

Не дав сестре вставить ни слова, он быстро продолжал:

– Второе: напиши, пожалуйста, меню своего золотого дня и все, что вспомнишь, о том, чем вас угощали у подруги. Если было что-то готовое, выясни, если сумеешь, где и когда это покупали... Я понимаю... да-да... я понимаю, что ты, конечно же, ничего покупного не подавала, я имел в виду твою подругу. Я же так и сказал: выясни. Не все же такие кулинарки, как ты...

«Черт, еще и здесь дипломатия требуется! Мало того, что я занимаюсь этой ерундой, как будто это настоящее расследование, трачу на это время, втянул в ее дела Айше, так она ухитряется обижаться по пустякам. Хотя обижаться следовало бы мне: не могла даже имена с фамилиями и адресами выяснить!»

Кемаль сам не понимал, зачем взялся за это нелепое дело с такой основательностью. Разумеется, не потому, что поверил в версию сестры об умышленных подозрительных отравлениях. Это было бы слишком. Слишком похоже на тот идеальный сюжет, который он так расхваливал перед Айше.

К тому же он не мог не прийти к тому очевидному выводу, что, коль скоро несколько (пусть даже только три-четыре) женщин из десяти обсуждали происшедшее между собой, у гипотетического отравителя теперь не осталось ни малейшего шанса. Да на следующем золотом дне они и без Айше глаз друг с друга спускать не будут! А разговоры?! Разве удержатся они от обсуждения такой захватывающей темы? Да они два часа будут выяснять, кто кому подавал чашечку кофе, а кто выходил на кухню за кексом... Словом, вряд ли еще кто-нибудь отравится. Все будут бдительны. И будут обсуждать качество продуктов и способы приготовления блюд – и, пожалуй, переругаются на этой почве и поубивают друг друга... не в прямом, разумеется, смысле слова.

В общем, надо заканчивать с этой самодеятельностью. Пусть Айше, раз уж обещала, посетит их сборище, Элиф успокоится, и все это забудется. Жаль только, что память у Кемалья была устроена так, что он крайне редко забывал что-либо из услышанного или прочитанного. Разве что длинные цитаты из какого-нибудь Джойса. А список из десяти женщин, который ему удалось-таки составить через день-другой, скорее всего, застрянет в голове надолго. Как и аккуратно записанное детским школьным почерком сестры невообразимое количество блюд, которые эти дамы пробовали, хвалили, обсуждали, передавали друг другу, резали десертными ножичками, теребили начищенными серебряными вилочками, доедали без остатка, или, мило улыбаясь, оставляли на тарелке почти нетронутыми... Впрочем, это уже фантазии – область Айше. А его интересуют факты.

Что же мы имеем?

Отбросив все лишнее (зачем Айше учить наизусть их адреса и даты рождения?), Кемаль отдал жене уместившиеся на небольшом листочке результаты своей работы:

1. Элиф Озбек – домохозяйка, замужем, моя сестра;
2. Гюзель Алатон – журналистка, ведет рубрику «Спросим тетюшку Гюзель» в газете «Утро», не замужем;

3. Селин Барут – учительница начальных классов, год на пенсии, замужем, детей нет, полгода назад удочерила восьмилетнюю девочку;

4. Джан (Джемиле) Балкан – домохозяйка, замужем, двое взрослых детей: дочь Илайда, сын Тимур;

5. София Эсмер – домохозяйка, наша бывшая соседка. «Мир тесен», – в один голос сказали они друг другу не слишком оригинальную мысль, когда Кемаль показал Айше имя и адрес одной из женщин. «Хорошо, что это оказалась она, а не кто-нибудь другой из нашего дома», – подумали оба и, догадавшись о совпадении, переглянулись и улыбнулись. Айше всегда хорошо относилась к своей бывшей соседке с первого этажа и с ней, единственной, продолжала иногда встречаться и перезваниваться после замужества и переезда. София была приятной неглупой женщиной, увлекалась астрологией и психологией, прекрасно шила, Айше было с ней комфортно и интересно. Странно, что она никогда не говорила, что ходит на золотые дни. Или Айше просто не обращала внимания?

6. Семра Арден – пенсионерка, бывшая продавщица огромного магазина «Карамюрсель», помогает мужу – владельцу лавки с канцтоварами; дочь Шейда учится в Анкаре;

7. Эминэ Шенер – домохозяйка, замужем, сын Мурат заканчивает медицинский факультет местного университета. Дамы номер три, шесть и семь много лет живут на одной лестничной площадке, причем Селин и Семра специально купили квартиры рядом из-за давней дружбы, а Эминэ, оказавшись их соседкой, вполне удачно вписалась в компанию;

8. Дилара Унал – врач-гинеколог, имеет частную практику и работает в клинике медицинского института; из-за тринадцатилетней дочери живет со свекровью, потому что слишком занята, чтобы подогревать обед и водить девочку на уроки музыки; муж тоже врач, доцент, доктор наук;

9. Лили Темизель – домохозяйка, жена богатого биржевого деятеля, недавно еще больше разбогатевшего на купле-продаже недвижимости; родилась и выросла в Германии, никогда не работала, ведет светский образ жизни, принадлежит к несколько иному кругу, чем остальные женщины; детей нет;

10. Филиз Коркут – домохозяйка, двое взрослых сыновей живут отдельно; рано овдовела, подрабатывала секретаршей, воспитательницей в детском саду, продавщицей; недавно второй раз вышла замуж.

Список кулинарных изысков, которыми женщины, по-видимому, тайно старались перещеголять друг друга и поразить остальных, на обычном листе бумаги не уместился. Элиф помнила до мелочей, что и как было приготовлено, где и когда куплены ингредиенты, а некоторые из собственных продуктов, вроде муки и сахарной пудры, уже проверила на доброкачественность и готова была чуть ли не предъявлять настоящим экспертам для химического анализа.

«О господи, – мысленно, чтобы не огорчать мужа, вздыхала Айше, – что за ерунда! Зачем я ввязалась в эти мыльнооперные страсти? Ясно же, что нельзя так объедаться сладостями и мучным, – она почти с ужасом перечитывала названия блюд. – Надеюсь, они не заставят меня все это пробовать. Мне уж точно станет дурно – с непривычки. Надо будет наврать, что я на диете какой-нибудь...»

Когда-то открытый ею закон непрерывности вранья снова сработал. Стоило солгать один раз, пусть по самому ничтожному поводу, например о причине прихода Айше на этот несчастный золотой день, и пожалуйста: приходится о чем-то умалчивать, что-то скрывать, что-то слегка искажать, что-то придумывать. Словом, снова лгать.

«Ладно, – сказала себе Айше, – в последний раз!»

Она не могла знать, что кое-что будет в ее жизни не в последний, а в первый раз: загадочная цепочка таких разных, не похожих друг на друга и таких одинаково пугающих смертей, с которыми ей предстоит столкнуться, – всего-навсего из-за того, что она согласилась пойти на абсолютно безобидный и не предвещающий ничего плохого золотой день.

Первый для нее, очередной для каждой из этих десяти женщин – и последний для некоторых из них.

Глава 2

1

Это был последний раз. Последняя встреча в этом году. И последней предстояло быть ей. На прошлогодней жеребьевке ей достался декабрь. Небрежно обрезанная бумажка со сделанной от руки надписью. Как будто нельзя купить любые стандартные карточки и если не можешь себе позволить заказать надписи, то по крайней мере сделать их аккуратно! Все-таки бедность порождает небрежность и невниманье ко всему. Привыкаешь обходиться немногим, а в результате пренебрегаешь и тем, что практически не стоит денег. И опускаешься. Не можешь потратиться на дорогой крем – и перестаешь смазывать руки обычным оливковым маслом. Не можешь заплатить парикмахеру – и ленишься накрутить волосы на бигуди. Портишь ногти бесконечным мытьем посуды и уборкой – и вместо того чтобы подержать их в соленой воде и привести в порядок, подстригаешь как можно короче.

А одежда? Ей всегда казалось, что элегантность и стиль не зависят от денег. Какая разница, сколько нулей было на ценнике прямой простой черной юбки, если ты не понимаешь, с чем ее носить? Но они, не имея возможности купить дорогую вещь, в принципе перестают заботиться о том, как они одеты. А если вдруг и спохватываются и бросаются наряжаться, то эффект получается прямо противоположный. А если не могут приобрести хороший сервис взамен старого, подаренного на свадьбу и наполовину перебитого, так и будут есть из разномастных тарелок и вскоре сами перестанут замечать собственное убожество. Они...

Лили с удовольствием перебирала ухоженными пальцами крошечные конвертики без надписей. В них были вложены небольшие прямоугольники из плотной бумаги, напоминающие визитные карточки, только вместо имен витиеватые буквы складывались в названия месяцев. Их было двенадцать. Лили решила не создавать ненужных проблем и заказать все, а не десять: неизвестно ведь, от какого из летних месяцев они решат отказаться. Обычно золотые дни прекращались в июне и возобновлялись в сентябре, но кто знает? Один раз они, наоборот, пропустили июнь и встретились в августе, потому что некоторые собирались в отпуск в начале лета, а Лили была предусмотрительна.

Ей совсем не хотелось вкладывать в конвертик срочно отрезанный, а то и вовсе оторванный клочок бумаги, если вдруг выяснится, что не хватает какого-нибудь месяца. Это была мелочь, но она всегда была внимательна к мелочам. Иногда с удовольствием, а порой с раздражением думала она о том, насколько отличается от своих подруг. Они – она так и не научилась причислять себя к ним и, не отдавая себе отчета, невольно думала о них исключительно в третьем лице – так вот, они, безусловно, принадлежали к совершенно другому классу. Даже к другой породе. Лили наивно полагала, что дело тут не в деньгах. Вернее, не только в деньгах.

Она никогда не имела дела с людьми, которые нуждались в самом необходимом; ей казалось, что «не иметь куска хлеба» – не более чем фразеологический оборот, и знаменитая фраза Марии-Антуанетты о пирожных прозвучала бы в устах Лили абсолютно искренне. По ее мнению, тот, кто в чем-то нуждался, был виноват в этом сам: не сумел заработать, сколько нужно, не смог правильно распорядиться заработанным, позволил втянуть себя в сомнительный бизнес или просто был ленив, глуп и непрактичен. Хватило же сметки и упорства у ее отца, чтобы уехать в Германию и там, не зная ни слова по-немецки, начать зарабатывать хорошие деньги. О ее муже и говорить нечего: он всегда преуспевал, а если его доходы иногда и падали, то это никогда не отражалось на их быте и образе жизни.

Лили считала себя бережливой, потому что всегда могла спокойно и равнодушно отказаться от ненужных трат. Например, не покупать драгоценности. У нее их было достаточно, и

она искренне не понимала женщин, обмирающих у ювелирных витрин. Ее раздражали жалобы приятельниц на безденежье, рост цен, маленькие зарплаты мужей: наверняка не умеют планировать семейный бюджет и не задумываются о мелочах. Ей, выросшей в Германии и перенявшей многие тамошние педантичные привычки, не знавшей не то что нужды, а недостатка в средствах, было непонятно их вечное нытье.

С каким удовольствием она совсем отказалась бы от этих золотых дней! Но сделать это было не так просто: пришлось бы как-то объяснять свой поступок, выяснять отношения, ссориться или слушать их уговоры. Проще терпеть их всех раз в месяц, как неизбежные критические дни, и делать вид, что отдаваемые или получаемые ею деньги что-то для нее значат.

Когда-то давно, когда муж познакомил ее с женой одного нужного человека, ей было приятно приглашение в их компанию. Тогда она была в Измире так одинока, у нее не было здесь ни родных, ни друзей, а дела мужа требовали переезда в этот казавшийся ей маленьким и тихим после Стамбула город. Она так и не сумела полюбить его за прошедшие с тех пор двенадцать лет, но прижилась в нем, обустроила свой быт, приобрела достойное окружение, обзавелась нравящимися ей квартирой, машиной и загородным домом. Недостатка в знакомых давно уже не было, и вполне можно было обойтись без этих золотых дней, но как обставить свой отказ, как выговорить эти слова: «Я не буду больше участвовать в ваших встречах»? Ее начнут расспрашивать, уговаривать, подумают, что она просто напрашивается на эти уговоры, расспросы и комплименты, что она загордилась и считает ниже своего достоинства проводить время не с теми, о ком пишет желтая пресса. Проще оставить все как есть.

Лили вздохнула и принялась раскладывать конвертики на изящном серебряном подносе. Она особо отметила, куда положила названия трех летних месяцев, чтобы потом быстро и с заметной продуманностью убрать лишние два. То, что это – быстрота, продуманность, точность движений – должно быть заметно, было частью ее игры. Игры, на которую она обрекла себя, впервые попав на золотой день, и которая тогда доставляла ей самолюбивое удовольствие.

Их надо учить. Они, небрежные, не знающие цены мелочам и хорошим манерам, простоватые и считающие излишними три вилочки около столового прибора, должны осознать свою ущербность и перенимать то лучшее, что было в ней и что она со щедрой готовностью им демонстрировала. Они научатся и изменятся, полагала Лили. Изменятся, глядя на меня. И будут благодарны. И я стану их любимой подругой, их объектом подражания, законодательницей их мод. Они поймут, заметят, оценят. Они...

Они ничему не научились. И не желали учиться. И не видели той пропасти, которая отделяла их от Лили. Вернее, они думали, что это финансовая пропасть. И что, следовательно, перепрыгнуть через нее или уничтожить ее не в их власти. Другой разницы они не чувствовали.

«Господи, как они мне надоели! Еще два дня – а я ни о чем другом думать не могу. Опять будет все то же самое! Джан будет жаловаться на полноту и одышку и при этом уплетать сладкое и жирное; София опять напялит какую-нибудь невообразимую вытертую вязаную кофту; от Филиз вечно такой запах, как будто дезодорант – недоступная роскошь; Гюзель опять примется за свое... черт бы побрал эту журналистку, обязательно везде свой нос сунуть! как будто мне мало Элиф! А Эминэ...»

Резкий громкий звук пылесоса заставил ее вздрогнуть и отвлечься от неприятных мыслей. Конвертики дернулись на серебряном подносе, и, хотя их ровные ряды не расстроились, Лили в сердцах почти бросила поднос на стол.

– Гюльтен! Сколько раз я... – сообразив, что домработница не слышит ее из-за включенного пылесоса, она не стала продолжать и зря тратить силы. С прислугой тоже не везет! Какая у нее по счету эта девчонка – пятая, шестая?

Лили раздраженно вышла из гостиной и, стуча каблуками домашних туфель, пошла на звук, доносящийся из жилой комнаты. Квартира у них была огромной; собственно, это была даже не квартира, а целый этаж обыкновенного дома, причем последний этаж. Их жилище

занимало ту же площадь, что две с половиной квартиры на других этажах, а остальное пространство превратилось в огромный балкон, почти сад, с оригинальной формы бассейном, множеством деревьев в кадках, шезлонгами и прочими доступными только действительно состоятельным людям причудами. Сейчас, в декабре, часть балкона была затворена раздвигающимися стеклянными дверьми и превращена в зимний сад. Наличие прислуги изначально предполагалось в такой квартире само собой разумеющимся. Но где найти подходящую, Лили не знала.

Она наступила ногой на кнопку, выключающую пылесос, и не без удовольствия, которого, впрочем, ничем не выдала, понаблюдала за вскочившей от неожиданности девушкой, водившей до этого пылесосом под диваном.

– Ой, госпожа Лили... я...

– Гюльтен, – холодно прервала ее хозяйка, – сколько раз я просила тебя предупреждать, когда включаешь пылесос? Это действует мне на нервы.

– Извините, госпожа Лили...

– Не перебивай. Если ты еще раз начнешь пылесосить, не предупредив меня, то потом ты будешь этим заниматься только в собственной квартире. Если у тебя, конечно, есть пылесос.

– У меня нет, – смотря в пол, тихо сказала девушка.

– И не будет, – отрезала Лили, никогда не церемонившаяся с прислугой и не считавшая нужным даже изображать на лице нечто демократическое. – Пока ты здесь работаешь, будь любезна выполнять мои требования. Ты вымыла зимний сад?

– Да, госпожа Лили. Там только...

– Значит, нет. Если ты говоришь «да», то к этому нечего добавить. А если ты начинаешь мямлить, значит, что-то там не в порядке. Смотри, Гюльтен! Чтобы послезавтра в зимнем саду ни пылинки не было! И в гостиной. И, разумеется, в прихожей, в гостевой ванной и в туалетах. Остальное – как обычно. И не забудь, что послезавтра ты мне нужна до вечера: пока не уйдут гости.

– Хорошо, госпожа Лили, – Гюльтен знала, что только такой ответ не вызовет нареканий, и решила ничего не добавлять. Хотя ей было что сказать своей хозяйке. И, может быть, она бы сказала, если бы та не смотрела на нее как на часть того же пылесоса, которая вдобавок ко всему иногда срабатывает не вовремя и действует, видите ли, на ее драгоценные нервы. Она рассказала бы этой богачке, не считающей ее за человека, что она знает. Мадам ох как удивилась бы! Но больше всего, Гюльтен чувствовала, она удивилась бы тому, что ее пылесос, ее бытовая техника осмелилась заговорить. И Гюльтен молчала – до поры до времени.

– Что ты молчишь?! Я же спрашиваю тебя: что не сделано в зимнем саду? Я собираюсь вести туда гостей пить кофе. Так что там?

– Я не все растения протерла, – домработница по-прежнему не поднимала глаз, – я хотела сначала везде пропылесосить... Но я все сделаю, госпожа Лили, вы не волнуйтесь...

– Я-то и не волнуюсь, – неприятно улыбнулась хозяйка. – Волноваться следует тебе. Если тебе, конечно, нужна эта работа. А я плачу тебе достаточно, чтобы не волноваться. И чтоб все листья сверкали, ясно? Особенно фикусы и диффенбахии. Если состав для растений кончится, позвони шоферу – пусть съездит купит. Все равно без дела сидит: я сегодня никуда не собираюсь.

– Да, госпожа Лили, хорошо. Можно включить пылесос?

– Можно. И посмотри потом, не натереть ли серебряные ложки.

– Я их позавчера натирала... – ах, черт! Надо было опять сказать «да, госпожа Лили». До чего же мерзко, оказывается, быть прислугой! Хотя... быть-то, наверное, еще ничего, а вот играть роль! Гюльтен, закусив губу, выслушала проповедь о том, что серебряные ложки, начищенные позавчера, это совсем не те ложки, которые прилично будет подать гостям послезавтра, и думала при этом, что если сегодня хозяйка никуда не уходит, то ей не удастся неза-

метно воспользоваться телефоном. Даже мобильным. Если только в ванной запереться... Ну да, и воду включить, как в шпионских фильмах. Маразм. Хорошо, что все это скоро кончится. Послезавтра.

2

– Ну, пожалуйста, ты не пожалеешь! Когда ты еще попадешь в такую квартиру? Туда на экскурсию можно ходить... Что? Почему это? Покормишь там, спать уложишь – и все. Говорю же: места там сколько угодно. И у них все отапливается, вся квартира. Ну, твоего же все равно нет... хорошо, твоего мужа... Куда он, кстати, на этот раз делся? Не знаю-не знаю, не нравятся мне эти его командировки. Я бы на твоём месте...

Ее всегда все любили. Она была в этом уверена. Иначе детское прозвище «Джан», «Джаним» – «душечка», «милая» – не вытеснило бы ее вполне благозвучное официальное имя. Она была толстой, улыбчивой, и действительно милой и душевной, и считалась доброй, поскольку была общительна и почти болтлива; подружки с юности привыкли с ней откровенничать, поскольку не воспринимали как соперницу; она была гостеприимна, любезна, интересовалась чужими делами не меньше, чем своими, а ведь это так важно для милых душечек! – и сама верила, что не то что не имеет врагов, но что всеми любима.

Кроме собственной дочери. Как это получилось, она не понимала.

Собственно говоря, Илайда ей никогда не нравилась, если можно так назвать отношение к собственному ребенку. Почему-то слепая, нерассуждающая материнская любовь была не свойственна Джан – этой толстой, и милой, и любезной, и общительной, и приятной, и всеми любимой женщине. Почему? Кто знает... Почему ей была так неприятна первая беременность, хотя, теоретически говоря, ей хотелось иметь детей? Почему новорожденная разочаровала ее сразу, всем своим видом?

Джан делала все, что положено примерной матери, и даже более того, но дочь необъяснимым образом ощущала никому не заметную фальшь и была и все больше становилась не тем ребенком, которого мечтала иметь ее мать. Все-таки детей надо любить слепо. Они не принимают рациональной подмены: «Ты некрасивая, но это не главное, это вообще не важно, ты же умница», – им надо, чтобы хоть родители говорили: «Ты у нас красавица», – и верили в это. Без поправок, подсказываемых разумом.

Но Джан все как-то не удавалось без них обходиться. Дочь была слишком худа, и нос у нее такой неудачной формы (слава богу, это в наше время поправимо), а вот волосы у нее, как у отца, и этого уже не исправить, и она не похожа на миленькую улыбающуюся девочку из рекламных клипов, и почему-то она так неряшливо ест, а с возрастом стала дерзить, и одевается она нелепо и несуразно, и ... В общем, претензий к дочери у нее было немало.

Илайда между тем росла, и дерзила, и одевалась нелепо, но есть стала аккуратней, волосам придумала прическу, нос оставила таким, каким он был, и оставалась худой, и ела мало, и не была похожа на миленькую девочку из рекламных клипов, но училась нормально и вышла замуж в девятнадцать лет. Отчасти это было продиктовано желанием стать самостоятельной и уйти из шумного, наполненного смехом и вечной болтовней душечки Джан дома и жить с теми, кто принимает ее такой, как она есть, без оговорок.

– Это, мам, мой муж, а не твой, ты немножко спутала, – по привычке дерзко ответила она на почти незамаскированный выпад матери против ее мужа. Муж Илайды, как ее нос, волосы и одежда, тоже не дотягивал до идеала. Ездил, например, в командировки и имел массу других недостатков. – Я приеду на ваш дурацкий золотой день, если тебе непременно надо что-то всем доказать.

– Что доказать? У меня родился внук, и было бы просто невежливо...

– Невежливо, по-моему, навязывать своих родственников с грудными младенцами посторонним людям. Я же виделась с твоими подружками меньше года назад, и кто-то из них вроде и на свадьбе у нас был – разве нет? А потом ты еще некоторых ко мне водила и демонстрировала мою квартиру. Что мне там делать? Слушать ваши сплетни?

– Илайда, – мать решила подойти с другой стороны, – малыш подрастает, и надо приучать его к людям. Ты же не сможешь вечно сидеть дома. Скоро ты отвыкнешь даже нормально одеваться. Обязательно надо куда-то выходить, хоть для поддержания формы.

– Мам, я же сказала: я приду. Только на машину не рассчитывай, Энвер на ней уехал.

– Я и не думала о машине! Почему ты всегда подозреваешь меня в каких-то корыстных мыслях? – Джан искренне огорчилась.

Отчасти оттого, что дочь попала в точку: ей до ужаса хотелось подъехать к дому Лили на машине. Во-первых, машина зятя не относилась к его недостаткам, она была новой и дорогой, и ей, как ни странно, нравилось – причем нравилось без всяких оговорок! – видеть свою дочь за рулем; во-вторых, в доме Лили был подземный гараж, и ей хотелось, чтобы Илайда увидела шикарный дом во всей красе. Опять же: человек, поднимающийся на лифте из гаража, – это, согласитесь, совсем не то, что человек, просто вошедший в подъезд. Джан всегда мечтала выглядеть как можно респектабельнее и богаче, неразумно, по мнению мужа и дочери, тратила деньги на украшения и новые вещи, иногда отказывая семье в самом необходимом. Главное – внешний лоск, а не то, что мы ели вчера на ужин, считала она. Илайда бунтовала. Наотрез отказывалась соврать по просьбе матери, в какой школе она учится, – а как было бы мило, если бы все думали, что она ездит в частный дорогой лицей, а не в бесплатную государственную школу! Они же совсем рядом, тебя никто не поймает на лжи, все равно тебе ехать в ту же сторону... и Илайда как-то особенно любила сообщить ее гостям, а дом Джан всегда был полон соседок и приятельниц, как дешево удалось купить приличные джинсы на распродаже или переделать старую юбку матери в нечто модное и коротенькое.

Ее брат никогда бы так не поступил.

Между Джан и сыном царил полное взаимопонимание и единодушие. Тимур был всего на полтора года (точнее, год и восемь месяцев, но кому нужна эта точность, когда детям уже за двадцать?) моложе сестры, но при всем внешнем дружелюбии настоящей близости между братом и сестрой не было. Джан никогда бы не пришла в голову, что в этом виновата она. И если бы кто посмел сказать ей, что она любит сына больше, чем дочь, она бы возражала и верила собственным возражениям. Как можно такое подумать!

Просто сын был именно таким, как ей хотелось.

Кудрявый прелестный ангелочек, он превратился в озорного симпатягу годам к пяти, вырос в самого заметного и шумного в школе мальчишку к десяти, оставался заводилой и кумиром местных девчонок лет до шестнадцати, а потом посерьезнел и стал задумываться о своем месте в жизни. Место это он искал там, где можно много заработать, прикладывая минимум усилий, и Джан вполне его одобряла.

Впрочем, его, как и мать, одобряли все: у него была такая же располагающая улыбка, и умение понравиться, и доброжелательность, и разговорчивость. А если он всегда неохотно учился и не захотел поступать в университет, то что же в этом плохого? Мальчик чувствует, что его призвание не в этом. В чем оно было, Джан затруднилась бы сказать, но очевидно же, что Тимур умен, привлекателен, общителен, и рано или поздно он займется нравящимся ему делом. Он же еще так молод!

И уж, конечно, Тимур никогда бы не сказал, что его джинсы куплены на распродаже. Наоборот, показал бы фирменный ярлык и назвал фантастическую цену. Если у него не было денег на дорогие сигареты, он не ленился переложить дешевые в эффектную коробку из-под «Мальборо». Такой примитивный обман было проще простого разоблачить, но Тимур, даже если он никого не угощал сигаретами, не вызывал ни малейшей обиды и никогда разоблачен не был.

«Охота тебе пускать пыль в глаза», – осуждала его Илайда.

«У него с детства вкус к хорошим вещам», – поддерживала сына Джан.

Уже два с лишним года Тимур вел невразумительный, по выражению сестры, образ жизни. Взяв деньги у родителей, он арендовал крошечное фотоателье в Анталье и в первый же летний сезон заработал вполне приличную сумму.

«Ну, ты же понимаешь, мамуль, если я не вложу все эти деньги в дело, в следующем году мне столько не заработать. Надо расширяться. Я возьму помощника, и помещение хорошо бы отремонтировать, и три отеля обещали разместить мою рекламу. А это все деньги. Если я верну вам с отцом долг, то опять буду начинать с нуля...» – «Конечно, конечно», – понимающе кивала мать. Отец молчал, в любом случае его голос в семье ничего не решал. Да никто почти никогда и не слышал этого голоса.

«А о чем ты, интересно, думал, когда брал этот долг? Только о том, что его можно будет не отдавать? – приставала недовольная сестра. – Ты же заработал больше, чем брал, разве не так?» – «А на что я, по-твоему, буду жить до следующего сезона? Там есть смысл работать только в летние месяцы. Или мне торчать на пустом курорте всю зиму?» – «Разумеется, нет. Но ты можешь найти какую-нибудь работу в Измире...»

Но брат не горел желанием следовать скучным советам, снова уехал на юг в середине мая и не появлялся до конца сентября. Вернувшись, жаловался на растущую конкуренцию; на расчетливых немцев, не желающих оставлять на чай и никогда не забывающих взять сдачу; на практичных русских, привозящих фото пленки с собой и увозящих их домой непроявленными, потому что у них в России фотоуслуги намного дешевле; на хозяина ателье, решившего повысить арендную плату; на жару, вынуждающую туристов спать до обеда и выползать на прогулки к вечеру, когда фотографу приходится использовать более дорогое оборудование... Но Илайда, в отличие от матери, замечала и его новую одежду, и запах французского одеколona, и браслет из белого золота на руке. Значит, не так плохи его дела. Что ж, если родителям нравится безвозмездно ссужать его деньгами – пусть. Илайда давно излечилась от ревности к младшему братику и не вмешивалась в его жизнь. У нее теперь своя семья и свои заботы.

– Я закажу такси, – сказала она матери.

Надо было скорее заканчивать этот разговор: вот-вот проснется малыш и потребует внимания. А на золотой день придется сходить, это ясно, а то мать ей потом долго этого не забудет. Может, и к лучшему: там можно с тетей Гюзель поговорить. Пожалуй, и посоветоваться кое о чем. Если удастся уединиться. Или не стоит?... До завтра надо решить. – Я заеду за тобой. Во сколько надо быть там?

– Часам к пяти, – обрадовалась Джан.

В конце концов, получилось: такси не многим хуже собственной машины, и внука удастся продемонстрировать, и благополучную замужнюю дочь. У Семры и Софии дочери старше, но Шейда до сих пор не замужем, а у Лейлы нет детей, да и вряд ли будут: она так серьезно относится к учебе в консерватории и оперной карьере, ей не до беременности и кормления. А так недолго и мужа потерять. Словом, Илайда на их фоне вполне, очень даже...

– Только оденься понаряднее, – бессознательное недовольство дочерью снова высунуло свой нос, – и... и знаешь что? Ты ведь все равно его не носишь, это кольцо, и оно не в твоём стиле, скорее для женщины постарше...

– Хорошо, мам, я принесу, – с ходу отметя все надуманные оправдания матери, Илайда усмехнулась и посмотрела на себя в зеркало.

Короткая модная стрижка, меллированные волосы, светло-карие, не такие красивые, как хотелось бы (а кому, спрашивается? мамочке?), глаза, – надо, что ли, губы подкрасить. А золотое кольцо с крупными сапфирами и правда не подходит ни к ее одежде, ни к маленькой художавой фигурке. Хоть Энвер и говорит, что настоящие драгоценности к лицу любой женщине. Но это ведь только потому, что он терпеть не может тещу, и ему неприятно, что она время от времени одалживает его подарки.

«Ты можешь ей сказать: я не дам тебе это кольцо – и все? Или свали на меня, скажи: муж не разрешает. Ну, не хочу я, чтобы она носила твои вещи! Понятно, что им ничего не сделается, но мне обидно и противно. И, между прочим, я где-то читал, что у драгоценных камней должен быть постоянный хозяин, тогда их аура ему помогает, а ты даешь их носить кому попало, и их связь с тобой, хозяйкой, разрушается. И вообще, зачем ей это надо? Они же у тебя, как я понимаю, не бедствуют...»

Как он понимает! А что он понимает? Кто и когда мог понять, что происходит в другой, пусть даже хорошо знакомой семье? Илайда вовсе не пыталась что-то скрыть от мужа, но он все равно не мог понять, какие проблемы терзают его единственную и неповторимую душечку-тещу, которую почему-то обожают все ее подруги и которую ему, видимо, никогда не удастся полюбить. Как могла Илайда, сама не разделявшая забот матери, внушить мужу понимание, например, того, что раз в месяц госпоже Джан жизненно необходимо не просто надеть на себя все имеющиеся в наличии драгоценности, а непременно менять их, добавляя что-то новое? Что благополучие ее родителей весьма относительно и держится на умении матери всячески его демонстрировать? Что содержание ее великовозрастного брата наверняка обходится недешево, а он, если и зарабатывает, то отнюдь не спешит облегчать жизнь родителям и возвращать долги?

Первое время после ее свадьбы братец Тимур изо всех сил старался подружиться с Энвером, настойчиво предлагал какие-то фантастические проекты организации совместного бизнеса и быстрого обогащения. При этом, разумеется, имелось в виду, что первоначальный капитал должен вложить муж сестры, а прибыль достанется им обоим и будет поделена в соответствии с уже придуманными умным Тимуром условиями контракта. Слава богу, думала Илайда, у Энвера хватило здравого смысла не ввязаться ни в один из гениальных планов брата.

Телефон снова зазвонил, хотя она едва повесила трубку. Илайда быстро схватила ее, чтобы повторный звонок не разбудил малыша.

– Это опять я, – голос матери был дружелюбен и мил: так она говорила, когда хотела понравиться. А она всегда хотела. «Только не мне», – Илайда с грустью подумала, что знает почти наверняка, что сейчас скажет Джан. Но надо сделать вид, что она об этом не догадывается. – Я забыла напомнить... к тому колье у тебя, кажется, был браслет?

– Да. И серьги. И я все принесу. В такси наденешь, – обреченно ответила дочь. – Я пойду, мам, малыш плачет, – соврала она, чтобы прекратить разговор. Все равно матери ничего, кроме украшений, не нужно, а ведь будет вид делать, что еще что-то хотела спросить, время терять... Ей, видите ли, кажется! Как будто она не знает про этот браслет!

Она прошла на кухню и закурила.

Поговорить с тетей Гюзель или нет? Чем она, в сущности, может помочь? В таких делах никто никому не может помочь. Интересно, откуда Энвер мог узнать? Как ему вообще сама идея забрела в голову? Конечно, она рассказала тете Гюзель про Тимура, но это другое дело. Тетя Гюзель журналистка, а журналисты умеют добывать и проверять информацию. Может быть, она уже все проверила и узнала. Непонятно только, что дальше-то делать с такой информацией, вот в чем вопрос. Сказать матери? А толку? Разнервничается, расплачется – и все. Мужу? Энвер и так недолюбливает Тимура, считает его бездельником и глупым, самовлюбленным мальчишкой. Да теперь он и не станет ее слушать! Поговорить с братом? А что она ему скажет? Он же ни в чем не признается, да она и не знает, в чем его подозревать. Только в том, что он каким-то образом – а каким? – зарабатывает немалые деньги. Очевидно: зарабатывает, раз может покупать дорогие вещи и вещицы, и компакт-диски, и хорошие сигареты, и ходить по ресторанам и дискотекам. И зарабатывает он их в летние месяцы, уезжая куда-то.

А между тем Илайда знала совершенно точно, что фотостудии с удачно подобранным Тимуром английским названием «Тимз Фото» в Анталье нет и никогда не существовало.

И тут ей в голову пришла настолько неожиданная мысль, что Илайда вскочила со стула. Вот это да! Почему же она раньше не подумала о самом очевидном? Надо как-то проверить... кстати, это не так уж и сложно.

И посоветоваться с тетей Гюзель – непременно!

3

– Это просто удивительно! Так не бывает! – Айше живо представила себе, как ее бывшая соседка улыбается, качает головой, встает и снова садится, не в силах совместить бурную восторженную жестикуляцию с необходимостью держать телефонную трубку. – Значит, завтра увидимся. Как же я рада!

София была искренне рада.

Она любила Айше и жалела, что та не вернулась в свою квартиру. Хотя об Айше жалеть было нечего, она вышла замуж и, кажется, счастлива, и София понимала, что жалеет она саму себя, лишившуюся подруги. Конечно, друзей у нее много, к ней все прекрасно относятся, но с Айше всегда было интересно поговорить. Она рассказывала о книгах, которых София не читала – не потому, что не хотела или не любила читать, а просто потому, что никогда в жизни не имела на это времени. Да и денег, чтобы покупать книги.

Иногда она думала, что если бы ее жизнь сложилась иначе, то ей хотелось бы иметь такую профессию, как у Айше: читать книги и все про них знать. Но для этого надо было... только сейчас, когда ей уже за пятьдесят, София начала понимать, что для этого надо было совсем не много – всего-навсего думать о себе и своих желаниях. А этого она никогда не умела. Она думала и заботилась о многих: о родителях, о муже, о его родителях, о своих детях, о соседях и подругах, она всем помогала, прибегая по первому зову, не отказывалась выполнять просьбы, делать для кого-то покупки, сидеть с чьими-то детьми, часами ждать в чужой квартире вызванного соседями электрика или сантехника, быстренько что-нибудь пришить или подшить, выслушать чьи-нибудь жалобы на жизнь и попытаться утешить, – и все, разумеется, этим беззастенчиво пользовались.

Кроме Айше. Само собой получилось так, что, если самой Софии приходилось несладко, она шла к Айше. Хотя та была намного моложе, вела совершенно иной образ жизни, не имела житейского опыта и семьи, но почему-то именно ей за чашечкой кофе София рассказывала и про свои нелады с мужем, и про сложности с деньгами, и о капризах и выходах детей. И ей становилось легче, несмотря на то, что от Айше трудно было ожидать мудрых советов. Разве что литературных параллелей, которые Айше обожала и вставляла к месту и не к месту. Но главное было выговориться. Это ведь всегда помогает.

София слегка завидовала молодой соседке: независима, одинока, сама зарабатывает на жизнь, прекрасно образована, умеет принять решение и подумать о себе – разве у многих хватило бы духу развестись через месяц после свадьбы? Самой Софии понадобилось почти тридцать лет, чтобы в конце концов решиться. Тридцать лет! Целая жизнь.

Жизнь, прожитая не так.

И она – позади. Теперь София тоже разведена, тоже сама зарабатывает на жизнь, тоже почти независима. Почти, потому что надо вырастить младшего сына. Ей было сорок два, когда он родился; она целых пять месяцев не подозревала о беременности. Менопауза, думала она, что ж тут такого? Потом, узнав от врача правду, она плакала, и курила, и снова плакала, и думала о своей неудачной, неправильной жизни, и хотела умереть, и снова думала, и курила, и... И вот ей пятьдесят, и ее сын Эрим пошел в школу, а она наконец решилась. Ей давно уже не нужен и не интересен этот мужчина, которого когда-то ей было лестно заполучить в мужья. Они ссорились, начиная с времени помолвки, подчас доходя до разрыва; потом мирились, оба втайне надеясь изменить друг друга. Они были красивой парой: круглолицая, хорошенькая София и смуглый высокий Хакан. Но за этим благополучным фасадом... ох, сколько слез пролито, сколько жестоких слов сказано, сколько раз хлопала входная дверь, обещая конец этим взаимным упрекам и бесконечным мучениям.

Ради детей, только ради детей заключались компромиссы, а дети росли и многое видели и слышали, и втайне мечтали остаться с одной матерью – заботливой, спокойной и милой, когда рядом не было отца. И так прошло десять, пятнадцать, двадцать лет. Дочь и сын выпорхнули из гнезда, и можно было подумать о себе, но София, как всегда, не успела. Родился младший, и ей пришлось, собрав остатки сил, сжать зубы еще на несколько лет.

Теперь она свободна. С какой гордостью сообщила она вернувшейся из-за границы Айше о своем разводе! Лучше поздно, чем никогда, но она тоже будет самостоятельна и будет жить, как Айше.

– А я как раз выхожу замуж, – ошаршила ее бывшая соседка. – Не знаю, правда, что из этого получится. Я так привыкла одна.

– Замуж? Но... но он же... – София сбилась, не зная, как и что лучше сказать, а чего лучше не упоминать. Неужели Айше не знает, что ее жених Октай женился на их общей знакомой? Весь дом был в шоке. Особенно старушка Мерием – уж так возмущалась распущенностью молодежи!

– Не бойся, я все знаю, – рассмеялась Айше, – я не за него выхожу замуж.

– Ну, надо же! – выслушав ее рассказ, всплескивала руками впечатлительная София. – Это просто удивительно! Как ты с ним познакомилась, все это убийство – как в романе! Ты непременно должна это описать. И ведь он жил в твоей квартире! Удивительно!

Сейчас, узнав, что она много лет была знакома с сестрой этого полицейского, за которого ее Айше вышла замуж, она ахала и удивлялась ничуть не меньше, чем тогда. А положив трубку, задумалась.

Странные вопросы.

Айше задавала странные вопросы. Она неглупа, она много работает, она пишет книгу. Вряд ли ее, как любую рядовую сплетницу или домохозяйку, занимающую излишки времени изучением соседских биографий и кулинарных рецептов, могло всерьез интересовать то, о чем она спрашивала. Насколько София помнила характер бывшей соседки, та никогда не любила совать нос в чужие дела и частенько озадачивала своей полной неосведомленностью в таких элементарных вещах, как планы соседей на лето, доходность их бизнеса, если таковой имелся, успеваемость их детей, если они были, а также прочих, близких и милых сердцу каждой женщины деталях. Айше умудрялась проходить мимо этого. Нет, она не была высокомерна или невнимательна, она знала соседей по именам, всегда любезно здоровалась и улыбалась, но мысли ее обычно были далеко. У нее было несколько близких друзей, вроде самой Софии или их соседки Сибел, с которой Айше училась в одном университете, и в их проблемах и сложностях Айше ориентировалась – в той степени, в какой посторонний в состоянии вникнуть в дела своих знакомых.

Айше, которую, как ей казалось, она неплохо знала, никогда не стала бы задавать такие вопросы. Даже если она из вежливости или из-за своей пресловутой безотказности согласилась сопровождать золовку и решила слегка подготовиться к этому визиту, то и тогда ее вопросы звучали странно. Кто когда с кем познакомился? Какая теперь разница, через столько-то лет? И разве она сможет все это запомнить? А если сможет, то зачем? Что они обычно едят? Есть ли у них какие-нибудь особенные традиции и правила? Хорошо ли София их всех знает? Ну, зачем ей все это, спрашивается? Не могла же она так измениться за два года, чтобы тратить время на долгий разговор по телефону, а она их никогда не любила...

Нет, здесь что-то другое.

Люди не меняются – это София знает точно. Они рождаются каждый под своим созвездием и всю жизнь ведут себя в соответствии с этим, и ничто и никто не в силах их изменить. Рыбы, например, не так любопытны, как Водолеи или Овны, а Айше была типичной Рыбой.

Значит, она спрашивала все это не просто так. София с уверенностью сделала такой вывод, хотя оснований для него на посторонний взгляд почти не было. Но она его сделала –

опираясь на туманное для других, но бесспорное для нее «Она бы так не поступила» и астропсихологическую характеристику рожденных под знаком Рыб.

И почувствовала себя неуютно. Все эти вопросы... Особенно про еду... Что-то здесь не так. Уж про еду Айше точно не стала бы спрашивать, это совсем не ее сфера. Это... вот именно! Это не ее вопросы! А ее муж – полицейский. Тогда все понятно.

Значит, кто-то что-то заметил и заподозрил.

Скорее всего, Элиф, больше некому. Заметила и обратилась к брату. Логично? Пожалуй, да. А Айше... что ж, она всегда любила детективы. Наверно, захотелось разобраться, как тогда, с тем убийством. София помнила, как соседка интересовалась расследованием, подружилась с этим полицейским, задавала какие-то вопросы.

Правда, ничего у нее не вышло. Это только в кино да в романах бывает: никто ничего не понял, а главная героиня – раз и все выяснила. То убийство так и осталось нераскрытым; сколько раз София спрашивала поселившегося в квартире Айше Кемалю, не нашли ли убийцу девушки, но тот лишь смущенно разводил руками и вздыхал. Понятно: полиция не всесильна, а Кемалю неловко в этом признаваться, и София перестала донимать его вопросами. А потом и вовсе забыла об этом происшествии.

А сейчас вот вспомнила. Из-за Айше? Из-за ее расспросов? Конечно, но еще и из-за неприятного, раздражающего чувства, охватившего ее сейчас точно так же, как тогда. И в тот раз, как и сейчас, она вынуждена была кое-что скрывать и волноваться. И мучительно думать, что лучше: сказать или промолчать? Сказать опасно, но не будет ли хуже, если она промолчит?

И вот оно – опять! Что может знать или подозревать Элиф? Означают ли расспросы Айше, что на нее, Софию, они не думают? Что делать, если Айше ей все расскажет и задаст прямой вопрос?

Неприятно. Очень неприятно. Не говоря уже о том, что вся эта история, еще до появления на сцене Айше, Софии решительно не нравилась. Который раз она собирается на золотой день без малейшего удовольствия! Наоборот, с головной болью. То бессмысленные пререкания с Селин, то эта последняя ссора с Гюзель... И к Лили в дом идти совершенно не хочется. Как будто София в чем-нибудь виновата! Как Лили губы поджала, узнав о разводе, шито белыми нитками... вот возьму и назло ей соглашусь!

А ведь с кем-нибудь и правда может что-нибудь случиться! Пожалуй, права Элиф, что забеспокоилась. И что теперь делать? Так все и оставить? Ну уж нет! Как минимум надо поговорить. Прямо, без всяких намеков. Можно даже про Айше рассказать. Припугнуть полицией. Или не стоит?..

Ладно, завтра будет видно.

4

«Спросим тетушку Гюзель»...

Гюзель – как бы не так! Гюзель раздраженно глянула в зеркало, как-то не сообразив, что перед ней зеркало заднего вида, что сама она за рулем и что ничего, кроме стоящих сзади нее в очереди на паром машин, она в нем не увидит. Ну и хорошо. Лучше этого не видеть.

Молодой девушкой она ненавидела родителей за то, что они дали ей такое имя. «Красавица» – это же совсем ума надо не иметь! Как будто мало вокруг нейтральных или просто ничего не значащих имен! С таким обязывающим именем даже миловидной девчонке в школе не выжить. А уж о ней и говорить нечего. Длинный нос, бесцветные жидкие волосы, никакие (ни формы, ни цвета!) глаза, никакая фигура. И вдобавок такое имя! Ее быстро переименовали в «Уродину», благо антонимы изучались уже в начальной школе и напрягать извилины для изобретения клички было не нужно.

Неприязнь к собственной внешности сохранилась в ней на всю жизнь. Гюзель всегда была внимательна к словам. Например, к похвалам любящих родителей: «Видишь, Гюзель, милая, красота вовсе не главное! Ты лучшая ученица в классе, тебя все уважают и любят...» В этих регулярно повторяемых пассажах об уме и внутренней, духовной красоте ей упорно слышалось одно и то же: «Ты некрасивая. Красоты у тебя нет и не будет. Ты некрасивая. Но: это совершенно не важно...»

Какие варианты выживания предлагались после «но», Гюзель улавливала слабо. Позже, уже став взрослой, она поняла, что эту ошибку совершают многие, причем не самые плохие родители, и старалась, как могла, исправить ее. Писала на эту тему в своей знаменитой колонке, объясняла грешащим подобными высказываниями подругам, что они подавляют индивидуальность ребенка и лишают его сознания защищенности. Ибо это сознание дается маленькому человеку только родительской любовью. А разве он может поверить в ее силу, если ему постоянно твердят, что он некрасив, несообразителен, неловок?

– Твоя дочь не состоится как личность, – говорила она Джан, видя, как та обращается со своей Илайдой. – Мне все время говорили буквально те же слова, а ведь она довольно хорошенькая, в отличие от меня.

– Но ты же состоялась как личность, – парировала Джан, – уж кто бы говорил! Может, ты назло родителям и их увещаниям сделала такую карьеру. У тебя же хватило ума и характера. Тебя надо таким девчонкам, как моя Илайда, в пример приводить. Дилара рассказывала, что ты всегда была умней всех в классе. Хоть тебя и дразнили «Уродиной».

Гюзель не спорила, но потихоньку стала опекать дочку приятельницы, хваля ее и стараясь придать ей уверенности в себе. Илайда нравилась ей, хотя эта девочка была совсем другой, не такой, какой когда-то была ныне преуспевающая журналистка Гюзель Алатон. Какой она помнила себя и какой ее помнили другие.

Она действительно была не то чтобы очень умна, но сообразительна, умела принаравливаться к обстоятельствам, прекрасно училась, потому что, даже не всегда зная изучаемый материал, быстро смекала, где найти ответ на заданный вопрос. Это последнее качество и определило ее дальнейший жизненный путь.

Лицейский преподаватель химии, увидев недовольное лицо девушки на одной из контрольных работ, пожалел некрасивую отличницу и подошел узнать, в чем дело, и, может быть, помочь. К тому моменту Гюзель была доведена до отчаяния и выложила учителю все, что она думает о его никому не нужном предмете:

– Я же не собираюсь становиться химиком! А учить наизусть такой объем разрозненной, не связанной в систему информации просто нелепо. Если бы вы разрешали пользоваться справочниками, я бы в два счета нашла все ответы!

– Ну, положим, в два счета ты бы ничего не нашла, – возразил химик, видя, что остальные ученики начинают прислушиваться, и решив провести воспитательную акцию. – Здесь вопросы по разным разделам курса, и в одном учебнике тебе их не отыскать. Особенно если ты вообще мало занималась и не интересуешься химией, – счел нужным добавить он. – Пожалуйста: на моем столе есть разные учебные пособия, но, если ты не подготовилась к контрольной дома, они тебе не помогут.

– Еще как помогут! – обрадованно вскочила Гюзель. – Можно, да? Я же не собираюсь списывать все подряд. Мне нужно посмотреть всего три, нет, четыре пункта, и я знаю, где их искать. Если я получу информацию вот про это, – она ткнула пальцем в формулу, – то дальше все логично.

– Ну-ну, попробуй, – все еще полагая, что имеет дело с обычной нерадивой ученицей, усмехнулся учитель.

Он не знал, радоваться ему или огорчаться, когда через десять минут девчонка показала ему почти законченную контрольную.

– Дальше элементарно, – гордо сказала она, – а учить все это наизусть – совершенно тупое, бездарное занятие.

– Тебе надо заниматься журналистикой, – стараясь не потерять лица, поучающе произнес учитель, – больше нигде поверхностные, неглубокие знания в сочетании с умением ловко извлекать нужную информацию успеха иметь не будут. Во всяком случае в естественных науках тебе делать нечего.

Она и не предполагала что-либо делать в естественных науках. Она была не слишком трудолюбива и, хотя хорошо училась, не видела ни одного из школьных предметов, которым смогла бы заниматься всю жизнь. А профессии – что знают школьники о профессиях? Учитель, врач, продавец – этих они видят; актер, художник, летчик – об этих читают и знают понаслышке; профессии родителей и знакомых – этих, как правило, примером для себя не считают.

Слово «журналистика» пришлось как раз ко времени.

Обдумав эту идею, неглупая Гюзель пришла к выводу, что это – то, что ей надо. Она полистала газеты и журналы, отметила, что там почти никогда не появляются фотографии корреспондентов или авторов статей, а значит, о написанном ею будут судить только по качеству написанного и по эффектной подписи «Гюзель Алатон». А что? Звучит неплохо. И писать она станет так, как если бы была красавицей.

Она будет писать для женщин и о женщинах. Гюзель казалось, что это легко. А о чем же еще? Политика ее не интересует, в спорте она не разбирается, бегать, высунув язык, в поисках сенсаций и новостей не очень-то хочет. Интервью с известными личностями редко делают известным журналиста, об экономике пишут профессионалы... Остается – что остается? По тем временам ничего. Это сейчас газеты и журналы пестрят гороскопами, отчетами о модных новинках, статьями о любви и превратностях брака. Но тогда, двадцать пять лет назад, турецкие женщины не читали газет. И Гюзель стала одной из первых, кто решил исправить это положение.

Удалось это, конечно, не сразу. Пришлось и побегать за новостями, и придумывать подписи к фотографиям, и вычеркивать половину написанного из и так крошечных статей, и брать интервью – причем отнюдь не у премьер-министров. Но однажды судьба ей улыбнулась. Вернее, улыбнулся редактор, которому она, демонстрируя подготовленный материал об экономической выгоде постройки новой дороги и выслушав его похвалы, вдруг заявила:

– Да ерунда все это! Ни одна женщина не станет такое читать!

– Женщины, детка, не читают газет, – сообщил ей слегка устаревшую новость редактор.

– Вот именно! – возмущенно сверкнула глазами молодая сотрудница. – А почему, спрашивается? Потому что мы для них не пишем! Почему бы не сделать хоть часть газеты привлекательной для женщин? Причем для обычных домохозяек – их же у нас большинство. Разве

их волнует, что где-то далеко будут или не будут строить дорогу? Их интересует только собственная жизнь: муж, дети, ужин, соседки, моды, сплетни. Да если бы...

«Если бы главным редактором была женщина, желательно я! – женщины по утрам спорили бы с мужьями, кому первому читать газету!» – ей хватило ума и здорового карьеризма не произносить этого вслух. Но редактор был неглуп, и произнесенного ему вполне хватило. Более того: он был умен и хитер, поэтому не выразил ни малейшего восторга, только снисходительно хмыкнул:

– Ну-ну... И что ты можешь предложить нашим домохозяйкам? Надеюсь, не выкройки и кулинарные рецепты – для этого есть специальные издания.

– Во-первых, их тоже очень мало, – горячо принялась отстаивать свою любимую идею Гюзель, – а во-вторых, можно придумать массу интересного и не из области кулинарии...

– Придумывай, – строго остановил ее редактор, – послезавтра принесешь заявку, я посмотрю. Будет что-нибудь толковое – колонка твоя. Раз в неделю, на последней полосе.

Гюзель боялась поверить удаче. При внешней раскованности, дерзости и тщательно лелеемом, необходимом начинающему журналисту нахальстве она боялась многого. И это в конечном счете определило ее судьбу. То ли неуверенность в себе, то ли нелюбовь к собственной внешности, то ли просто масштаб личности и запросов так навсегда и превратили ее ни больше ни меньше как в автора колонки в ежедневной газете и не позволили стать ни известной феминисткой, ни владелицей собственного издания, ни автором пусть одной, но значительной книги. И теперь ей оставалось лишь бессильно упрекать самое себя в робости.

«Спрашивается, кого я боялась? Я могла стать основательницей «Космополитена», или второй Анне Бурда, или... И сейчас мне никто не мог бы ничего диктовать. А я? «Спросим тетущку Гюзель»... Я уже двадцать с лишним лет всеобщая тетущка, а откажись я делать то, что велят, – и где я буду? Найдут мне замену в два счета, тем более что всю мою кухню знают. А я больше ничего не умею. На телевидении мне делать нечего, разве что поучаствовать в ток-шоу «Как выжить такой уродине», а в других изданиях давно своих тетусшек девать некуда», – сзади посигналили, и она заметила, что стоящие перед ней машины уже въезжают на паром.

«А ведь я была первой, – с горечью и сознанием того, что поправить уже ничего нельзя, продолжала растревать себя она, поставив машину на нижней палубе. – Если бы не имя и внешность...»

Она была убеждена, что все дело в этом.

Когда она придумала свою колонку, сразу стало ясно, что ей нужен определенный имидж. Не может же двадцатитрехлетняя девчонка поучать всех женщин страны, как им избегать конфликтов с мужьями и воспитывать детей! Гюзель не могла не признать справедливости этого довода и в глубине души радовалась тому, что ее фотография не будет появляться около написанного ею текста. Инкогнито она будет свободна и сможет писать, как счастливая и уверенная в себе красавица. Редактор согласился с мыслью превратить ее в «тетущку» и с тем, что имя ее – отдельно от внешности – звучит вполне приемлемо.

Так что, если другие журналисты порой прячутся под псевдонимами, Гюзель пришлось спрятаться за маской: вместо фотографии газета поместила довольно удачный рисунок – немолодая женщина с тонкими и красивыми чертами лица и располагающей милой улыбкой. Она и стала вскоре любимицей читателей, дававшей практичные и умные советы заплаканным влюбленным, несостоявшимся невестам, обманутым женам и многодетным матерям.

Колонка из еженедельной превратилась в ежедневную, популярность газеты возросла, другие издания не замедлили скопировать ловкий ход. Но «тетущка Гюзель» была лучше всех. Ей присылали письма, похожие на вопли отчаяния, но она умела утешить их авторов и привлечь внимание тех, кого волновали похожие проблемы. «Мой муж бьет меня, но у нас дети...», «Отец заставляет меня выходить замуж за двоюродного брата», «Муж все чаще уходит по вечерам, наверняка у него другая женщина», «Родители почти не выпускают меня из дому, а мне

уже девятнадцать», «Я люблю его, а он...» – жалобам не было конца, и несчастные женщины с удовольствием плакали на плече у воображаемой тетушки.

Не имевшая житейского опыта, Гюзель рылась в книгах по психологии и этике, знакомилась с профессиональными психологами и психоаналитиками, но никто из них не знал, что дает консультации не некрасивой неудачнице, а ловкой, преуспевающей журналистке. Она не хотела, чтобы ее узнавали на улицах, и была в представлении читательниц тем, кем они хотели ее видеть: не молодая и не старая, сохранившая красоту и обаяние, умная и образованная, состоявшаяся и счастливая женщина. Не имеющая ничего общего с настоящей Гюзель.

Разумеется, родные и близкие знали, чем она занимается, но этим кругом и ограничивалась ее личная популярность. Никому и в голову не приходило соединить имя Гюзель Алатон с молодой, но некрасивой, не умеющей одеваться женщиной. Мало ли на свете тезок и однофамильцев!

В последние годы эта анонимность, весело воспринимавшаяся в молодости, стала раздражать ее. Личная жизнь не сложилась; работа всегда отнимала у нее слишком много сил и времени, и хотелось верить, что причина ее одиночества именно в этом. Несмотря на бесчисленное количество раздаваемых ею мудрых советов, сама она не сумела воспользоваться ни одним из них, и некрасивые женщины, так или иначе устроившие свою судьбу, оставались для нее загадкой. Как, например, какая-нибудь Барбра Стрейзанд ухитрилась стать актрисой и пользоваться успехом у мужчин? «Тетушка Гюзель» тотчас дала бы ответ – мотивированный и убедительный, но у самой Гюзель в душе никакого ответа не было.

«Если бы я была красивой, как Эминэ, или хоть привлекательной, как Лили или Дилара, все сложилось бы иначе. При моем уме я бы сделала такую карьеру... И никто бы мне сейчас не угрожал. Правда, они не то чтобы угрожали... Но ведь понятно, что если я откажусь, то ничего хорошего меня не ждет. Останусь без работы – и что мне делать? Да просто – на что жить? На пенсию? Смешно! Ее только на оплату квартиры и хватит. И как я буду жить без работы? А другой не найти – уж они постараются...»

Она поднялась на верхнюю палубу парома и вытащила из сумочки сигареты.

Холодный ветер трепал волосы и забирался под тонкую куртку, но Гюзель не хотелось заходить в душный салон, хотя места там было достаточно и вряд ли кто-нибудь возразил бы против курения, кроме появившихся в последнее время повсюду запрещающих надписей. Тоже мне, подумаешь, американцы выискались! Да в Турции еще сто лет никакого здорового образа жизни не будет!

Гюзель закурила и, наслаждаясь одиночеством, смотрела на приближающийся берег. Очень быстро! Двадцать-двадцать пять минут – и ты вместе с машиной на противоположном берегу залива. Этот паром для Измира просто спасение. Она представила себе, как ехала бы на машине вдоль залива – словно вдоль подковы, с одного конца до другого, в то время как проще простого пересечь море по прямой. Да один бензин чего стоил бы, не говоря уж о пробках, нервозности и времени!

А так она, пожалуй, прибудет раньше всех. Но, что делать, паром ходит по расписанию, раз в час. Это к центру он каждые пятнадцать минут плавает, а на самый конец воображаемой подковы не так много желающих плыть. И что Лили с мужем нашли в этом убогом районе? При их-то деньгах и возможностях...

Как все жители Измира, Гюзель отдавала предпочтение своей стороне. Даже не своему району, а именно стороне залива, на которой следовало жить всем приличным людям, ибо только этот берег пригоден для нормальной жизни. Эта необъяснимая нетерпимость обитателей одного берега ко всем районам, расположенным на противоположном, просто удивительна. Она необъяснима, но она существует. Случайно встретившись и познакомившись где-нибудь в Анкаре или вовсе за границей, два жителя Измира после первой радости от знакомства с земляком настороженно спрашивают: «А где вы живете?» – и с облегчением вздыхают, если

собеседник оказывается с их берега. Если же нет, ведут себя так, словно у одного из них на щите белая роза, а у другого алая. Холодная война, не больше, но и не меньше.

Конечно, Измир разрастается, застраиваются новые районы, в том числе и такие, откуда вообще не видно моря, но жители этих нейтральных мест, вроде Борновы и Буджи, парадоксальным образом тяготеют к тому или иному берегу и по никому не известным причинам являются патриотами левой или правой стороны подковы. Если же учесть, что центр практически полностью занят банками, государственными учреждениями, магазинами и отелями, то есть почти необитаем, то становится понятным, что все жители Измира – это своего рода Монтекки и Капулетти, Йорки и Ланкастеры, южные и северные штаты или болельщики разных футбольных команд.

Это положение вещей, совершенно не понятное приезжим, воспринималось Гюзель как само собой разумеющееся, и сейчас она с неудовольствием думала о вынужденной поездке «на ту сторону». Денег полно, муж занимает такое положение – и купили квартиру в таком месте! Вспомнив о муже Лили, Гюзель разозлилась окончательно и выкинула сигарету за борт. Вот бы выяснить, имеет он к этому отношение или нет?.. Ладно, может, Лили что-нибудь и знает, надо выбрать время и с ней пошептаться.

Пожалуй, впервые она едет на золотой день без настроения.

Она так любила их, эти золотые дни, так радовалась, когда Дилара пригласила ее в эту компанию. Они ей очень помогали: все эти сплетни, и женские жалобы, и невероятные истории, приключавшиеся то с одной, то с другой, и рассказы о свекровях и золовках, а потом и о невестках, и наблюдение за их неискренними, но прекрасными манерами, – все это было ее работой, а важнее и интереснее работы у нее ничего не было.

И вот она едет на золотой день без приятного предвкушения полезных открытий. Впрочем, никто в этом не виноват, даже Лили, поселившаяся в неподходящем районе. Просто ей есть о чем подумать.

И надо поговорить с Софией, извиниться и попросить ее держать язык за зубами. Раньше никто ничего не замечал – и вот, пожалуйста! Сама виновата: потеряла бдительность. Надо быть осторожнее, раньше ведь получалось. Ладно, София милая женщина, она согласится.

«Куда важнее, – снова вернулась к главной проблеме неуправляемая мысль, – согласится ли Лили. И достаточно ли ее влияние на мужа. И связан ли ее муж с теми... А как же иначе? Он же совладелец газеты, не может это все делаться за его спиной...»

Она вдруг почувствовала, как холодно, какой ледяной ветер дует ей в лицо, какая, наверное, холодная вода в заливе... и, постаравшись выбросить из головы все мучающие ее мысли, быстро пошла вниз по лестнице, почти не прикасаясь к холодным железным перилам, чтобы не замерзнуть еще больше.

Хорошо, что она решила взять машину!

5

Дилара исподтишка бросила взгляд на часы. Как бежит время, ну надо же!

Сидевшая перед ней непонятного возраста пациентка в низко надвинутом на лоб цветастом платке – тюрбане – говорила страшно медленно и бестолково. Ей всегда доставались такие: под угрозой смерти не пойдут к гинекологу-мужчине. Да что там к гинекологу – к окулисту и отоларингологу и то с мужем за ручку ходят. Что у них в голове, у этих женщин, вот бы узнать! Сами себя за людей не считают, что ли? Взять хоть эту вот – Дилара повнимательней взглянула на путающуюся в словах пациентку: ведь молодая еще, а платок надела, в серый длинный плащ закуталась – и нет ее. Ни лица, ни прически, ни возраста...

– Сколько вам лет? – нетерпеливо прервала она женщину, следуя за своими мыслями. Все равно пришлось бы спрашивать и направлять ее вопросами.

– Двадцать шесть, – еле слышно произнесла та.

Дилара давно научилась никак не выражать своих эмоций при разговорах с подобными дамами. Двадцать шесть, господи! Да тебе все сорок дашь! Посмотрела бы на себя со стороны – на кого ты похожа! А ведь совсем девчонка. Раньше Дилара жалела их всех: необразованных, с тюрбанами на головах, в одинаково безликих, почти бесцветных плащах, в непрозрачных чулках даже в самую жару. Но эта жалость не могла им помочь и из-за собственного бессилия давно превратилась в недоуменное раздражение. На этой, слава богу, хоть перчаток нет.

Дилара продолжала автоматически задавать вопросы и заносить данные в компьютер. Вот, пожалуйста: замужем с шестнадцати лет, первые роды в семнадцать, всего четверо детей. О предохранении не знает и знать не хочет, и опять у нее задержка. Этих даже бессмысленно спрашивать, будут ли они рожать или делать аборт. Хорошо вообще к врачу обратились – большего от них не потребуешь.

– Идите на кресло, – Дилара мгновенно прикинула: минут пятнадцать на эту, плюс еще две пациентки в коридоре минут по двадцать, итого час без малого, если не возникнет ничего непредвиденного. А оно имеет обыкновение возникать как раз в те дни, когда есть собственные, личные планы. Конечно, доктор Дилара Унал занимала такое положение и имела такую репутацию, что могла позволить себе сделать каменное лицо и заявить: «Сегодня у меня много дел. Все вопросы завтра, пожалуйста».

Но беда в том, что она никогда себе этого не позволяла. В ущерб семье, воспитанию дочери, себе самой и своим планам она при малейшей необходимости оставалась в больнице, вела прием, подменяя коллег, принимала внеплановые роды, никогда не отказывала пришедшей без предварительной записи женщине.

– Госпожа Дилара, так нельзя, – периодически принимались поучать ее медсестры, – вы их избалуете, этих больных. Приходят к вам в кабинет, как к себе домой, когда хотят. Надо их приучать к порядку.

– Ты неправа, – не ленилась объяснять свою позицию она, – ты же видишь, кто ко мне приходит. Эти женщины читать-то едва умеют, что они понимают в часах приема да в предварительной записи! Услышала от такой же соседки, что там-то и там-то есть такая хорошая добрая докторша, неделю с духом собиралась, вот пришла наконец. Если ее сейчас не принять, она может вообще больше не прийти и остаться без медицинской помощи. Их мужчины, как правило, считают, что с беременностью и родами женщины должны справляться сами – на все воля Аллаха. И случись что: умрет младенец или роженица, – тоже воля Аллаха, ничего не поделаешь... Как будто им все равно!

«А вам не все равно?» – читала она обычно на лицах своих вынужденных задерживаться вместе с нею слушательниц.

«Нет! – хотелось крикнуть ей в молодости на весь свет. – Мне не все равно, и я не буду с этим мириться! Эти несчастные женщины, закутанные в свои плащи и тюрбаны, ничего в жизни не видящие, кроме кухни, уборки и огорода, постоянно беременные или кормящие, не умеющие читать и не знающие о правах человека, если это не права мужчины, не любящие своих мужей, насильно выданные замуж и не смеющие мечтать о любви и счастье, – кому-то же они должны быть безразличны! Они живут совсем рядом, на соседних улицах, теснятся в крошечных домишках на горах, и когда их домишки сносят, чтобы построить квартиры-люкс, мы облегченно вздыхаем, потому что не будем видеть их опущенных глаз и грязных детей!»

«Я врач, и мой долг им помогать», – более сдержанно говорила она в зрелом возрасте. И видела, что помочь им нельзя. Как можно помочь тому, кто активно сопротивляется помощи?

Быстро выписывая направления на анализы, она вспоминала, как раньше всегда расспрашивала этих несчастных, пыталась понять, а главное – объяснить им, что так жить нельзя, что нельзя забывать о себе, о собственной личности, что надо стараться быть счастливой, учиться, читать, снять заслоняющий полмира платок с головы. Она приводила в пример себя, рассказывала о женщинах, преуспевших в жизни, работающих, как мужчины, и свободных, как те же мужчины. Робкие, терпеливые, покорные и при этом недоверчиво отчужденные взгляды расхолаживали, и Дилара давно бросила свою феминистскую агитацию. Убедить их пользоваться контрацептивами – вот предел мечтаний. Однажды она, наплевав на все этические нормы, не сообщив пациентке, тайно поставила ей спираль: у той было шестеро детей, два выкидыша, целый букет болезней, и еще одни роды могли убить ее. Но даже ради уже рожденных детей ни она, ни ее муж не готовы были отказаться от вдолбленных им с детства стереотипов. «Это грех, на все воля Аллаха», – упорно повторяли они, не слыша ни одного из разумных доводов, которые, тратя драгоценное время, приводила им доктор.

Доктор-женщина.

«Они» ходят только к женщинам.

Не задумываясь о том, что эти образованные, серьезные, ухоженные современные дамы – такие же женщины, как они. Что у этих врачей есть мужья, дети, домашние заботы, секреты приготовления маминого пирога или плова. Наверное, этим женщинам без возраста, одетым в свою униформу мрачного цвета, такие, как Дилара, кажутся существами иной породы. Что-то вроде третьего пола. И ничего с этими предрассудками не поделаешь.

Хорошо еще, что в Измире их не так много. Диларе приходилось бывать на востоке страны, и там, где нормальных, с ее точки зрения, женщин было меньшинство, она чувствовала себя совсем плохо.

А теперь вдобавок появились и другие – образованные, современные, обтянутые джинсами и удлиненными пальто и при этом закутывающие головы во все тот же тюрбан! Это было просто непостижимо: эти, новые, боролись за свое право ходить в своем платке в университеты и лицеи, работать в государственных учреждениях, вести программы на телевидении, они ловко водили машины и хихикали со сверстниками мужского пола, не опуская глаз, они подняли шум на всю Европу, и все из-за своего драгоценного тюрбана! Диларе это казалось лицемерием: если боретесь за образование и прочие права, если не стесняетесь выступать на публике и в прессе, то, господа, что вам прятать под платком?! Все, что нужно, можно прекрасно спрятать под юбкой.

Нет, ее дикие клиентки в каком-то смысле лучше, честнее этого нового поколения мнимых традиционалисток.

Пациентка сунула рецепты в сумку и, встав, начала поправлять тюрбан, сбившийся на гинекологическом кресле. Дилара против воли следила за ее увешанными тонкими золотыми браслетами руками с коротко стриженными неухоженными ногтями. Шелковая ткань выскользнула, платок упал на плечи, и стало видно, что женщина действительно молода, а волосы у нее подкрашены и весьма модно уложены.

– Вот всегда бы так и ходили, – не удержалась Дилара.

– Что вы, доктор! Как можно?.. Грех... – ловкие привычные движения – платок окутал голову, и от молодости и привлекательности мало что осталось.

«Успею или нет?» – думала она о своем, ища в компьютере данные на следующую, уже вошедшую женщину. Эта была стара, платок на голове совсем темный, морщинистое лицо, тусклые глаза и губы, расплывшаяся фигура. Дилара помнила ее: сама делала ей сложную операцию, теперь наблюдала, заставляя хоть раз в два-три месяца приходить на осмотры. Вот и дата рождения – на год старше самой Дилары. Всего на год – какой ужас!

Моя руки перед осмотром, она с опаской покосилась на зеркало.

«Неужели и я такая?» – «Нет-нет, – как сказочной королеве, ответило ей не слишком чисто вымытое санитаркой стекло. – Ты еще очень ничего. Располнела, конечно, но при твоём росте это даже эффектно. И кожа пока тьфу-тьфу-тьфу, и глаза. Без косметики, понятное дело, не выйдешь, но если все, что нужно, замазать и подмазать – вполне. Волосы только... что же, черт возьми, случилось с волосами? Не тяни, не тяни руку, уже перчатку надела! – Дилара испуганно отдернула потянувшуюся было к причёске руку в резиновой перчатке. – Линяю, как кошка или собака – кто там из них сильнее линяет? Этак все волосы вылезут! Надо сегодня Мери спросить, что делать. Может, какие-нибудь лекарства есть. Авитаминоз обычно весной, кровь у меня в норме, неделю назад сдавала. И вроде лето нормально прошло. Летом я бы поняла: солнце, соленая вода, жара... Но ведь это когда началось? Месяца два, три? Кошмар просто. Только бы к Мери успеть...»

– Меня сегодня не будет, – как можно тверже сказала она, отпустив последнюю больную. – Если что-нибудь срочное, звони на мобильный.

Медсестра кивнула. Она-то прекрасно знала, что, едва за доктором Диларой закроется дверь, она скинет опротивевший белый халат и тоже уйдет. Мало ли что тут срочное, у них всегда все срочное, у этих больных. Надо бы попробовать перевестись к другому врачу: эта просто фанатичка какая-то, с утра до ночи вкалывает и других заставляет. Как будто у самой ни мужа, ни ребенка, ни дома. Только о работе и думает, ни отпроситься пораньше, ни опоздать.

Девушка, конечно, не могла знать, что на этот раз доктор Дилара Унал спешит вовсе не в свой частный кабинет, где она в определенные дни принимала постоянных больных. Она спешила в парикмахерскую.

Дилара отнюдь не была фанатичкой, она следила за собой, обожала хорошо выглядеть и одеваться, особенно когда было кому это оценить. Муж никогда не замечал ни новой причёски, ни изменившегося цвета волос, ни тем более свежего маникюра или новой блузки. Свекровь, наоборот, все замечала – и поджимала губы:

– Сколько же это стоит? – всем своим видом выказывая неодобрение легкомысленному, никому не нужному расточительству.

– Я неплохо зарабатываю, мама, – обиженно в молодости и почти равнодушно сейчас отвечала Дилара. – Я не домохозяйка, целый день на виду, я не могу позволить себе опускаться.

– Если ты половину заработка будешь тратить на наряды и косметику...

– То у нас останется вторая половина, правильно? Все равно выгодно, – насмешничала она раньше, когда эти пикировки со свекровью казались ей чем-то важным.

«Странно, как устаешь что-то кому-то доказывать, – думала она, пока давняя знакомая парикмахерша Мери мыла ей голову. – Все равно никого никогда не переубедишь. Ни этих женщин в тюрбанах, ни свекровь, ни подруг. Нечего и стараться. А сколько я нервов, сколько сил потратила на эту вечную борьбу со всеми! Хорошо, что с возрастом непримиримость проходит. Не у всех, наверно, но у меня почти прошла. Неохота превращаться в злобную, всеми недовольную старуху...»

– Меричка, что у меня с волосами?

– А что у тебя с волосами? Все нормалек, вот седину сейчас закрасим...

– Да там скоро красить будет нечего, разве что лысину! Они лезут просто клоками. Хоть тюрбан надевай!

– Да что ты, посмотри, как сейчас все чудненько уложим. Это возрастное, наверно. Лук пробовала втирать?

– Лук?! Я же с людьми работаю, от меня все шарахаться будут! А возраст... не думаю, Меричка, мне же пятидесяти нет, вон Лили и Эминэ старше, а у них все в порядке. И у Гюзель – мы же с ней ровесницы, в одном классе учились.

– Ну, у Гюзель волосы пересчитать можно, и всегда они у нее такие были. А Лили у меня не бывает: я не ее класса мастер. С тех пор, как ты ее приводила, больше не показывалась. Такие, как она, любят, чтобы к ним на дом приходили... Ну как, посмотри-ка? Пойдет?

Мери делала последние движения феном.

– Кстати, знаешь, многие жалуются, что волосы выпадают. Экология, наверно, такая. Но ты пока еще очень даже... посмотри... даже жалко для кучки старых теток тебя причесывать, – и, склонная, как все парикмахеры, к болтовне и психолого-физиономистским обобщениям, добавила: – Между прочим, «леди Ди», молодые женщины наряжаются и прихорашиваются ради мужчин, зрелые – сами для себя, а старые – знаешь когда? Перед встречами с подругами юности! Делай выводы!

6

Автобуса не было уже двадцать минут. В каком-то смысле это даже радовало: значит, скоро придет, не бывает таких огромных интервалов. Но и двадцать минут на холодном пронизывающем декабрьском ветру – это очень долго. Если бы была теплая одежда...

Эминэ поежилась и с грустью вспомнила оставленные дома толстую удобную куртку и пушистый шарф, который при необходимости можно накинуть на голову. И старые твидовые брюки – она привыкла носить их зимой почти ежедневно. Кроме особенных дней, вроде сегодняшнего. Колени мерзли в тонких колготках, но не являться же на золотой день небрежно одетой.

Элегантное полупальто, дорогая и качественная вещь, видимо, не было рассчитано на такую необычно холодную для Измира зиму; надо было поддеть под него жилетку. Но кто же знал, что автобуса так долго не будет! А снимать при всех серую вязаную жилетку, свалаявшуюся от времени в противные комочки, – нет уж, лучше потерпеть! Тонкий черный шарф из натурального шелка, недавнее приобретение Эминэ, которого никто из подруг еще не видел, трепыхался на ветру и тепла, разумеется, не давал. Зато изящно вырезанные по краям, вышитые вручную лиловые ирисы идеально сочетаются с оттенком новой блузки и чуть более темной, почти бордовой юбки.

Эминэ скосила глаза на подругу.

Селин ничего не сказала про шарф, значит, наверняка его заметила и на днях купит такой же. Если найдет. Эминэ отнюдь не собиралась откровенничать и сообщать, где и за сколько она его купила.

«Наверное, неплохо смотрится на ветру», – она мельком оглядела ожидающих автобуса и поняла, что оценить ее красоту некому: все, съездившись и пряча носы в шарфы, а руки в рукава и карманы, смотрели только на номера подходящих автобусов, и никому до нее не было дела. А Эминэ не привыкла к такому.

Обычно ее тяжеловатую, чуть мрачную и чуть цыганистую красоту замечали, на нее оглядывались на улицах, засматривались в магазинах, причем не только мужчины, но даже женщины и дети. И красота эта почти не тускнела с возрастом. Хотя нельзя сказать, чтобы Эминэ выглядела моложе своих лет, вовсе нет; но в то же время, глядя на нее, никто не думал, что перед ним хорошо сохранившаяся пятидесятилетняя женщина, никто вообще не думал о ее возрасте, это была красивая женщина и все. Единственное, о чем она заботилась, это чтобы седина была вовремя покрашена и волосы имели не более черный цвет, чем им положено. Остальное: и прекрасная осанка, и хорошей формы руки, и рисунок бровей, и разрез глаз, и смуглая, пока гладкая кожа – было дано ей природой.

Вот уже несколько лет Эминэ не без злорадного удовольствия наблюдала за суетой молодящихся подруг. Кремы, диеты, витамины, прогулки – никто из них, кроме Лили, не мог себе позволить ни косметических операций, ни курсов массажей, ни дорогих омолаживающих или якобы омолаживающих препаратов, но они старались изо всех сил. Эминэ никогда не унижалась до этих разговоров. И оставалась в меньшинстве – в компании небрежно одетой, не следящей за собой, но пока миловидной Софии и вызывающе некрасивой, блеклой, длинноносой Гюзель.

Стоящая рядом Селин, ее соседка и, как считалось, лучшая подруга, картинно поежилась и подняла воротник лисьего полушубка.

– Хорошо, что я надела шубу, холод-то какой! – недовольно заговорила она. – Как ты не мерзнешь в таком тонком пальто? Почему ты не надела норку?

– Это кашемир, он очень теплый, хоть и тонкий. А норку я отдала перешивать. Той модели сто лет. Если не получится, как я хочу, наверное, надо будет новую покупать.

Лиса, надетая на Селин, была гораздо старше висевшей в шкафу и вовсе не отданной на переделку норки. Но что поделаешь, в Измире так редко выдаются холодные дни, что женщины, имеющие такую роскошь, как мех, носят свои шубки не годами, а десятилетиями – максимум неделю в году, иногда при весьма теплой погоде и страдая от жары. Покупать новую шубку – зачем? Старой сносу не будет, даже если модель давно вышла из моды. Купить новую шубку – все равно что купить новую машину, мебель или квартиру. Причем на машину, мебель или квартиру мужа согласятся скорее, чем на шубку. Переделка шубы у скорняка – эпопея, приравняющаяся к ремонту квартиры или разбивке газона с клумбами на дачном участке. Дело дорогостоящее, не всем доступное, отнюдь не продиктованное необходимостью. И Селин предстояло носить свой лисий полушубок еще не один сезон. О чем прекрасно знала Эминэ. А ее норковую шубу все уже сто раз видели, зачем же ее надевать, даже если холодно? Куда выигрышнее померзнуть полчаса, зато сообщить всем об отданной на переделку дорогой, но – увы! – немодной вещи.

Соседка проиграла раунд и поджала губы.

– Надо было все-таки поехать на триста первом, полпути бы проехали, а там пересели, – она с сожалением посмотрела вслед отъехавшему от остановки неподходящему номеру.

– И платили бы за два лишних билета, – тут же отозвалась Эминэ. – А у меня карточка на две поездки осталась: как раз туда и домой.

Расчетливость Эминэ, граничащая со скупостью и порой переходящая в нее, была известна всем, кто был с ней более или менее близко знаком. Она экономила на таких мелочах, которые казались нелепыми не только довольно обеспеченной Селин, но и вечно пытающейся перехватить в долг Семре – третьему члену их постоянной компании. Никто не мог понять, откуда у Эминэ такая патологическая жадность: она не дарила подарков, при первой возможности старалась пообедать или поужинать в гостях; если получалось, пользовалась чужими машинами или ходила пешком, чтобы не платить за билет. Она точно знала, где можно дешевле купить батон хлеба или килограмм сахара, она категорически отказывалась приобрести сыну компьютер и оплачивать его подготовительные курсы, она редко принимала гостей, а если приходилось это делать, подавала сложные в приготовлении и весьма изысканные, но дешевые блюда. При этом квартира ее была обставлена дорогой мебелью, сама Эминэ хорошо одевалась (правда, только тогда, когда ее могли увидеть знакомые), а тяжелые золотые серьги и браслеты, так шедшие ей, и массивные эффектные кольца, которые она, казалось, никогда не снимала, явно тянули на ту же сумму, что и немодная норковая шуба.

Странно: она никогда не нуждалась, не голодала, не считала каждый грош, более того – никогда не работала и не зарабатывала деньги тяжким трудом; ее муж был военным и имел ряд льгот, которыми пользовалась семья, от дешевого отдыха в специально предназначенных для определенного контингента отелях до магазинов на территории воинских частей, где все было хоть чуточку, но дешевле. Эминэ и сейчас, когда муж вышел в отставку и получал неплохую по сравнению с госслужащими пенсию, не ленилась дойти до расположенного неподалеку военного городка, чтобы купить продукты. И Селин с Семрой не упускали возможности подразнить соседку.

– Вон в той палатке можно деньги на карточку положить, – как можно наивнее заметила Селин, зная, что Эминэ без острой необходимости кошелек из сумочки не достанет. И будет мерзнуть, ждать автобуса полчаса, мучиться, но стоимость одного билетика экономит.

– У меня нет наличных, только кредитка. У нас же пенсия послезавтра, – Эминэ никогда не видела вопиющего противоречия, кроющегося в ее поведении: с одной стороны – дорогая одежда, золото, якобы отданная на переделку норка, хорошие духи, а с другой – постоянное обсуждение малейших колебаний цен, жалобы на неправильную индексацию пенсии, на то, как трудно ей, бедной, сводить концы с концами.

Казалось, она сама не понимает, что хочет продемонстрировать подругам: свою обеспеченность и финансовое благополучие семьи или ограниченность в средствах, чуть ли не бедность.

– Я даже десять долларов не взяла, – говорила Эминэ, – мне Семра должна, я в прошлый раз за нее платила. Жаль, Дилара отказалась нас подвезти. Странная какая: ей же все равно здесь проезжать.

– Она в парикмахерскую собиралась, как она могла нам точное время назначить? Мы бы точно так же здесь с тобой мерзли, – не сводя безнадежного взгляда с дороги, равнодушно ответила Селин. – А куда Семра пошла? Мне она ничего вразумительного не сказала; мол, нужно ей куда-то. Говорит, в другую сторону.

– Я ее сегодня не видела. Я думала, мы, как обычно, вместе поедем. Надеюсь, она придет? – вдруг обеспокоенно встрепенулась Эминэ. – А то будет неловко: я же без денег, я на нее рассчитывала...

– Придет, придет, не волнуйся. В крайнем случае я за тебя заплачу, у меня есть деньги, – снисходительно успокоила ее соседка. Этот раунд был ее. – У тебя миленький шарфик, – она решила закрепить завоеванные позиции, – Я где-то такой видела, только не с ирисами, а с розами. Кажется, у Гюзель...

– С розами их везде полно, – уклонилась от ожидаемого удара Эминэ, – даже на рынке продаются. Но с розами – так вульгарно. Этот мне на заказ делали, под цвет блузки. К тому же натуральный шелк, а на рынке сплошная синтетика.

– Неужели тебе не холодно с этим шелком на шее? Давай на такси поедем, а? Я... – она не договорила, потому что увидела автобус. – Ты не видишь, какой номер? Никак не соберусь очки сменить, в этих уже плохо вижу.

– Наш, – достала из кармана карточку Эминэ. – Мне проще: у меня дальновзоркость. Очки только дома нужны.

Но она не надевала их и дома. Это совсем не ее образ – женщина в очках. Пусть Дилара и Филиз носят очки, они деловые дамы им позволительно. И Гюзель тоже. А она, Эминэ, просто красивая женщина без возраста и профессиональной принадлежности. Типа всегда одинаковой и прекрасной Тюркан Шорай. А уж Селин в этих своих молодежных очочках выглядит просто смешно. И прическа у нее...

Она проводила взглядом поднимающуюся в автобус и чуть замешкавшуюся с магнитной карточкой подругу: это же надо додуматься – сделать по бокам, почти у макушки, два маленьких хвостика, стянутых цветными резиночками, превратив свое обычное каре из вьющихся химической завивкой, не слишком густых волос в смешную подделку под прическу первокурсницы.

«Она стала вести себя как идиотка, – пробираясь к свободному сиденью, думала Эминэ, – с тех пор как взяла эту девчонку. Бойтся, наверно, что школьные подружки будут принимать ее за бабушку. А за кого, спрашивается, ее можно принять, если ей пятьдесят два, а Айшенур восемь? Зачем она ее взяла в таком возрасте? Раньше, что ли, не могла усыновить ребенка? Конечно, доброе дело, но я бы никогда...»

– Как Айшенур? Ты ее одну оставила? – надо было что-то сказать, и Эминэ не стала напрягаться в поисках темы.

– Да, она такая самостоятельная. До семи не так много времени, а там Исмаил с работы придет.

– Я никогда не оставляла Мурата, лет до тринадцати, наверно. Мало ли что мальчишке в голову придет... Это сейчас он умница, а был сорванец, ты же помнишь. Тебе с девочкой повезло.

– Да, только вот учиться не очень любит. Ведь все уроки с ней делаю, каждый день! Как будто на пенсию не выходила...

Она принялась рассказывать о совершенно неинтересных для соседки изменениях в программе начальной школы, часто повторяясь и сетуя на сложность вычисления периметров и дробей для учеников второго класса, и Эминэ со спокойной совестью ушла в свои мысли.

Приятно, конечно, что есть куда выйти хорошо одетой, а то что же остается?

Ресторан для офицеров, куда они с мужем по традиции ходят раз в месяц, прием редких гостей по праздникам. Да вот золотой день. Хотя видеть почти никого из приятельниц не хотелось. Хорошо, что у нее есть своя цель этого выхода в свет, кроме демонстрации собственной красоты и новых нарядов. Улучить момент и поговорить с Элиф. Обязательно надо попробовать, вдруг все получится? Она, кажется, собиралась сегодня привести невестку, о которой столько рассказывала. Умная, в университете преподает, языки знает, романы пишет – кошмар, а не женщина! Может, попробовать ей понравиться? И через нее уже... Что-то, а нравиться и быть обходительной Эминэ умела. Будем надеяться, это умение очередной раз пригодится.

«А ведь они все ко мне неплохо относятся: и Лили, и Семра, и Дилара, – не без удовольствия думала она, – хотя я их терпеть не могу. Джан, конечно, милочка, но глупа непрорисимо! И эти ее вечные дифирамбы собственным детям! София, в общем-то, приятная женщина, только любит всех без разбору... и одевается она... она с Гюзель ссорилась в прошлый раз, как на нее не похоже! Интересно, из-за чего? Нет, не вспомню, а ведь что-то я слышала, но потом меня кто-то отвлек, и я забыла. Ладно, бог с ними, мне-то что? Хотя София обычно ни с кем не ссорится и любезная всегда такая... И не так, как Лили, у той одни манеры да церемонии, а от души. Нет, сегодня главное – Элиф. И с Диларой опять встречаться! Век бы ее не видеть! И Филиз, кстати, тоже; опять какую-нибудь гадость скажет, как в прошлый раз. Слава богу, Дилара никому ничего не говорит... впрочем, это не в ее интересах. Все, хватит! Не портить себе настроение. Надо приехать с улыбкой, быть любезной, милой и всем приятной, тогда и Элиф не сможет мне отказать... Хорошо бы попросить Джан погадать после кофе, она умеет. Ведь как точно предсказала Филиз, что та выйдет замуж! Даже время и что новая фамилия будет начинаться на «К»! Вот и не верь после этого в сверхъестественное! Откуда она могла это узнать, если тогда Филиз со своим Эрманом еще и знакома не была? Правда, она Лили наговорила каких-то кошмаров – и ничего не сбылось. А было бы, между прочим, неплохо...»

7

Филиз Коркут еще раз пересчитала деньги.

Господи, когда же все это кончится? Она разложила на столе одиннадцать кредитных карточек, выписанных на имя ее старшего сына. Одиннадцать! А было двенадцать. И по каждой из них набегает такие проценты! Каждый день! Она пока сумела погасить задолженность только по одной. Осталось одиннадцать. Если бы их было две, ладно, пусть три, четыре – это еще можно было бы как-то принять. Понять и оправдать исчерпавшего кредиты сына. Но одиннадцать! И долг достигал почти трех тысяч долларов – для Филиз колоссальная сумма.

Почему-то ей казалось, что, если бы все эти деньги надо было вносить на меньшее количество счетов, ей было бы легче. Не проще найти деньги, конечно, а просто психологически легче. От двенадцати, а теперь от одиннадцати карточек она теряла голову: не понимала, с чего начинать, в какой банк поспешить сначала, какой долг более срочный. Мало того, что «где взять деньги» – сама по себе огромная проблема, но от множества этих карточек, от ежедневно начисляемых процентов по каждой из них веяло пугающей безнадежностью и неразберихой. И безответственностью. О чем он, спрашивается, думал, когда брал свой первый кредит? И почему, когда понял, что не сможет его вовремя выплатить, взял новый, в другом банке? Но, даже взяв этот второй, почему не погасил первый долг, а выплатил лишь проценты? Если бы сын действовал последовательно, долг, так или иначе, был бы один.

Филиз знала, что некоторые практикуют такие вещи: возьмут деньги под проценты в одном банке, а чтобы их вернуть – в другом, потом в третьем, благо негосударственных банков развелось видимо-невидимо, и все они с удовольствием одалживают деньги любителям «бесплатного сыра». Но как надо вести свои дела, чтобы открыть счета в двенадцати банках и в каждом исчерпать все кредиты?

Это было выше ее понимания.

Сыновья давно выросли, и если младший, отправившийся после университета на восемь месяцев в армию, беспокоил Филиз: все-таки армия, трудно ему там, бедненькому, а впереди поиски работы! – то со старшим все вроде бы обстояло гладко. Работа у него была, семьи пока не было, жил он отдельно от матери. А ей, всего полгода назад вышедшей во второй раз замуж, приятно было думать, что у него все в порядке и не слишком вникать в его дела. Регулярно звонит и ни на что не жалуется – вот и хорошо!

И вот, пожалуйста. И что теперь с этим делать? Сказать мужу?

Насколько Филиз знала, лишних денег у них нет. Впрочем, лишних нет ни у кого, но у некоторых по крайней мере есть сбережения, какая-то сумма в банке, отложенная либо для чего-то конкретного, вроде покупки дачи или машины, либо просто на черный день. У них таких денег не было. Сама она получала минимальную пенсию, у Эрмана, ее мужа, она была чуть выше; кроме того, она переселилась в хорошую квартиру мужа, которую он купил несколько лет назад, истратив на нее все заработанные и накопленные деньги. Эрман продолжал понемногу заниматься бизнесом, что-то покупал и продавал, и на жизнь им более чем хватало. Они даже съездили на две недели в Бодрум и жили там в очень приличном, хоть и не самом дорогом отеле, а иногда в Измире ходили поужинать в ресторане.

Но три тысячи долларов – откуда? А если у мужа и найдется эта сумма, то еще не факт, что он согласится ее отдать – только потому, что сын его жены оказался легкомысленным и недалеким до глупости. И хуже всего то, что у него есть поручители – люди, которые подписывали обязательства вернуть его долги, видимо полагая, что это пустая формальность. И судебные исполнители, уже навещавшие сына, вот-вот заявятся к ним. Незнакомым людям, добрым и интеллигентным, не отказавшим молодому коллеге в такой малости, как подпись под какой-то бумажкой, грозит опись имущества, суд, оплата судебных издержек и прочие

неприятности вплоть до конфискации и распродажи имущества на аукционе. Если же у них найдутся три тысячи долларов, то все равно – почему расплачиваться должны они?

Филиз было мучительно стыдно. Перед мужем, которому, наверно все-таки придется сказать, какой оболтус ее сын; перед этими незнакомыми ей людьми; перед банковскими служащими, которых она два дня уговаривала сообщить ей точные цифры долгов, нарушая тем самым тайну вклада; перед самой собой; перед Лили и Элиф, к которым она, промучившись одну ночь без сна, обратилась с просьбой дать ей в долг. Крупную сумму – и неизвестно, на какой срок. Безнадежное дело, кто же даст?..

Но вот, тем не менее, деньги лежат перед ней.

Чужие деньги, которые каким-то образом придется возвращать. Филиз, как ни странно, не чувствовала ни малейшего облегчения от того, что нужная сумма найдена, что за оставшийся до визита к Лили час она успеет в два, а если повезет, то в три банка, расположенных по дороге и, к счастью, на одной улице. Ну и что, что она выручит сына и оградит его поручителей от банкротства? Все равно это чужие деньги. Пусть по ним не нарастают ежедневные проценты, поскольку они даны подругой, но она заплатит-таки их – стыдом, благодарностью, унижением. Условия не легче банковских.

Проклятые деньги! Проклятые карточки – одиннадцать штук! Позавчера она расплатилась по одной, выбрав ее наугад, просто потому, что цифры, напечатанные на выплюнутой банковским компьютером бумажке, с поразительной точностью совпали с той суммой, которая лежала у нее в кошельке. Она отдала даже мелкие монетки, и это тоже было неприятным, унижающим чувством.

Сейчас такого не будет. Денег, лежащих перед ней на столе, достаточно, чтобы закрыть все эти счета, уничтожить карточки и дать сыну вздохнуть свободно. Он и вздохнет: не он же упрашивал дать ему в долг, не он объяснялся со старыми друзьями, выдумывая невообразимые причины, зачем ему срочно понадобилась такая сумма; он просто позвонил мамочке и испуганно сообщил, что ему грозит. Филиз прикинула, что, признайся он на месяц раньше, сумма долга была бы долларов на триста меньше. А если бы на два месяца?.. О чем он думал, господи? Почему регулярно говорил ей, что у него все в порядке? Боялся? Рассчитывал где-то перехватить денег? Слава богу, хватило ума (или не хватило духа?) не впутаться в какой-нибудь криминал.

Все: надо браться за дело. Ничего уже не изменишь.

Она отложила часть денег, которые уже обменяла с утра на турецкие лиры, и стала подсчитывать, по каким карточкам она может расплатиться прямо сейчас. Филиз никак не удавалось сосредоточиться: глаза разбегаются от этой неразберихи, цифры путаются, но она знала, что делать эту работу придется ей. Больше никому. Не может она просто дать три тысячи долларов этому мальчишке и надеяться, что он поступит как положено: расплатится, закроет свои счета и вернет остаток денег ей. Если, конечно, что-то останется. Но курс доллара после кризиса растет не по дням, а по часам, и не исключено, что проценты набегает медленнее. Может, хоть долларов двадцать-тридцать останется.

А они ей не помешают. Она осталась без карманных денег, потратила часть предназначенных на хозяйство, и сегодня у нее язык не повернулся просить у мужа десять долларов на золотой день. Филиз взяла десятку – деньги на столе были разного достоинства – и сунула в кошелек. Пора бежать. В доме не нашлось ни конвертов, ни скрепок: из канцелярских принадлежностей у них с мужем можно было найти разве что ручку – и та обычно не писала, когда это вдруг оказывалось нужным.

Сейчас Филиз хотелось как-то организовать денежно-карточный хаос, но покупать специально конверты и скрепки, чтобы распределить все лежащее перед нею и создать иллюзию порядка, ей теперь не по карману.

Впрочем, ей теперь все не по карману, что ни возьми. Вот когда пожалеешь, что никогда не увлекалась драгоценностями! У нее было всего два кольца, одно из которых обручальное, один браслет и цепочка на шее с небольшим кулоном, и она их носила постоянно. Да и на сколько потянет ее браслет? Долларов на сто, а то и меньше. И потом надо выбирать. Либо говорить мужу правду, пусть приуменьшив реальную сумму долга, либо жаловаться на потертый браслет. Или кольцо. Или цепочку. Даже из этих золотых безделушек придется выбрать что-то одно. Не могло же потеряться все сразу! Но если колечко потерялось, а у сыночка долги – Эрман не дурак, сразу поймет, в чем дело. Да и кто бы не понял?

Если бы хоть одна вещь – кольцо или браслет – могла покрыть весь долг, Филиз бы не колебалась. Ложь вовсе не была ей противна, она умела и почти любила лгать, но она прекрасно понимала, когда ложь была ей выгодна, а когда нет. На этот раз, похоже, удобнее сказать Эрману правду. А еще лучше – полуправду. Тысячи про полторы.

В конце концов, время терпит, деньги у нее есть, отдавать их можно частями. Если муж даст ей хоть тысячу, остальное она как-нибудь сэкономит. Филиз вздохнула и пошла на кухню. Попробуй-ка сэкономь столько!

Она достала целлофановые пакетики, предназначенные для хранения небольших по размеру продуктов, и отсчитала одиннадцать штук. Потом, постаравшись сосредоточиться и думать не о проблеме в целом, которую как-то предстоит решать, а о конкретном деле, разложила карточки и деньги по пакетикам и сунула в сумку. Придется брать большую сумку, ту, с которой она ходит каждый день, в маленькую, выходную, все это хозяйство никак не влезет. Ну и хорошо, можно туда же туфли положить, а не нести отдельный пакет.

Филиз внимательно осмотрела себя в большом зеркале. Когда-то, в молодые годы, она была маленькой и стройной и, как почти все женщины, имевшие в свое время тонкую талию и гордившиеся ею, так и не научилась одеваться по-другому: чтобы скрывать расплывшуюся фигуру, а не выставлять ее напоказ. Ей казалось, что брюки в обтяжку, узкие недлинные юбки, а летом коротенькие шорты и прилипающие к телу эластичные модные маечки-коротышки как нельзя более выгодно демонстрируют то, что от фигуры еще осталось.

Подруги переглядывались, видя Филиз то в леггинсах, то в молодежных юбочках, обсуждали за ее спиной ее неумение одеваться, но она об этом благополучно не догадывалась. Свободная одежда полнит – от этого убеждения, сохраненного с юности, она не могла и не желала отказываться. И не видела в зеркале, что обтянутые коварными современными тканями с лайкрой полные короткие ноги, тяжеловатые бедра, складки на давно появившемся животе отнюдь ее не украшают.

Подруги тоже полнели, но – брать пример с подруг?! К чему? Филиз прекрасно знает, как ей одеваться и что ей идет! К тому же подруги – это совсем другое, у них другие фигуры и все совсем не так, как у нее. Элиф и Дилара высокие, их полнота не портит, при их росте они, разумеется, должны одеваться по-другому. Джан толстая до невозможности, но она всегда была такой, ей не понять, что значит стать толстой женщине, у которой была осиная талия. Пусть носит свои балахоны и увешивается золотом.

Золотом! Филиз всегда посмеивалась над страстью Джан к украшениям. А вот когда бы она пригодилась! Ее муж, небось, и знать не знает, сколько у его жены браслетов и колец. И камни у нее всегда настоящие – во всяком случае так кажется и так она говорит. Интересно, сегодня опять что-нибудь новенькое нацепит? Вот бы ей, Филиз, хоть одну из ее тяжелых цепей или кольцо с изумрудом, в котором она была в прошлый раз...

Телефонный звонок заставил ее вздрогнуть от неожиданности, и в первый момент Филиз не захотелось брать трубку, чтобы не задерживаться. Но это мог быть муж, который знает, во сколько ей надо выходить из дома, или сын, которому, конечно, хочется узнать, удалось ли ей что-нибудь предпринять по его спасению. Она пока не говорила ему, что уже нашла деньги, – пусть не думает, что это так легко, и помучается. В конце концов, это его проблема,

его ошибка, и Филиз, делая все, чтобы ему помочь, вовсе не желала прощать его и вести себя так, словно ее мальчик всего-навсего оступился и разбил коленку. Нет уж! Она была зла на него и не скрывала этого.

Но трубку взяла: мало ли что.

– Филиз? Здравствуй, это я, Семра, – голос подруги был еле слышен.

– Что случилось? – удивилась Филиз. – Разве ты не идешь на золотой день? Я лично уже в дверях, надо по дороге кое-куда заехать.

– Я... Филиз, мне так неловко, но больше ни у кого не хочу просить... да и не могу, поздно уже. Ты не могла бы мне одолжить немного денег?.. Буквально на два-три дня. Я сегодня должна отдать десять долларов за Эминэ и еще за себя... восемь у меня есть... ты не могла бы?..

Филиз горько усмехнулась. Мне бы такие запросы! Восемь у нее есть! Вот бы мне страдать из-за двенадцати долларов! И самое время просить меня о деньгах. У меня в сумочке три тысячи чужих долларов, нелепо, непонятно на что потраченных – тоже не мной.

«Хорошо еще, – вдруг промелькнула у нее мысль, – что я купила эту водолазку до того... иначе ни за что деньги не потратила бы, а в чем бы я сегодня пошла?..»

Темно-красная водолазка-лапша, приятно возвращавшая Филиз к воспоминаниям о семидесятых, была последним писком моды и совпадала с ее представлениями о собственной привлекательности. Черные обтягивающие джинсы с ней прекрасно смотрятся и...

– Да, конечно, – разглядывая свой наряд в зеркале и оставшись им довольной, она одновременно отвечала на жалкий лепет Семры, – а ты не сможешь найти еще два? Тогда я бы тебе дала десятидолларовую купюру и все.

– Нет, то есть не знаю... я посмотрю... спасибо тебе, – быстро и как-то невнятно промямлила подруга.

– Не за что. Ладно, я побежала. Увидимся!

Может, надо было отказать? У нее самой сейчас каждый доллар на счету. А впрочем, как ни поступи, все равно отношения с Семрой испортятся. Не похоже, что она действительно сможет с легкостью отдать эти несчастные десять долларов через два дня. В этом случае говорят не так. В голосе подруги Филиз услышала то унижительное отчаяние, с каким сама совсем недавно обращалась к приятельницам.

И она не сумела бы определить, к кому из них испытывает сейчас большую неприязнь: к отказавшей ей Элиф или к одолжившей нужную сумму Лили.

8

– Сегодня, наверно, только и разговору будет, что о ваших отравлениях, – сказала Айше, когда они с сестрой мужа вышли из автобуса и направились к хорошему, «элитному» по терминологии риэлтеров дому, стоящему на удачно выбранном месте: не около магистрали, но и не далеко от автобусной остановки. Она с интересом взглянула наверх. Элиф говорила, что квартира подруги занимает целый этаж, и Айше думала, что речь идет о небольшом по площади доме. Но нет: это был очень даже солидный дом, в котором на этаже, похоже, по четыре квартиры, и если из четырех сделать одну... Как она там убирается, эта Лили? Хотя понятно как: прислугу держит. И пешком до автобусной остановки не ходит. Наверно, и понятия не имеет, где эта остановка находится.

Айше пожалела, что не взяла перчатки. Обычно, если было холодно, она прятала руки в карманы и о том, чтобы захватить где-то лежащие перчатки, которые еще пришлось бы искать, не задумывалась. Но сегодня в одной руке был пакет с туфлями.

Элиф позвонила ей накануне и после неоднократных повторений, где именно и во сколько они встретятся, небрежно сказала:

– Ты, кстати, тапочки захвати. Там может не найтись твоего размера.

– Хорошо, – ответила Айше, прежде чем подумать, что особенного в ее самом обычном размере обуви.

Повесив трубку, она сообразила, что никакой размер тут вообще ни при чем. Это было иносказание. Тонкий намек, что-то вроде подтекста. Продумай, милая моя, как ты будешь одета – с головы до ног. Ты же привыкла являться в гости в том же костюмчике, в котором лекции читаешь, а уж чтобы ты при этом туфли захватила, от тебя не дождешься. Влезешь в любые тапочки, какие найдутся в прихожей, и довольна. Теперь представь себе, что тапочек нет. Ты проходишь босиком? Или принесешь из дома удобные шлепанцы? Нет, ты не так глупа, все вокруг твердят о твоём уме, возьмешь туфельки. А значит, и наряд подходящий наденешь, и макияж догадаешься сделать получше, чем обычно. И прочие детали продумай: все-таки в приличное место идешь с первым визитом.

– Вот так-то! – смеясь, расшифровывала она Кемалю сказанное его сестрой. – Ловко она меня, да? Если они, как ты говоришь, больше десяти лет встречаются, то травить друг друга начали из-за таких вот штучек. У кого-то нервы не выдержали.

– Думаешь, она имела в виду не тапочки?

– Ха-ха, – покачала головой Айше, – тапочки, как же! Представляю себе ее лицо, если я и правда принесу туда тапочки. Нет уж, надо будет приодеться, а то дамы меня не оценят.

– И что у них полагается надевать на эти сиделки? Вечерние туалеты?

– Понятия не имею. Я вообще-то с работы поеду, думала, костюм подойдет.

– Который из? – чего-чего, а классических костюмов с юбками разной длины и платьями разных фасонов у Айше было немало. Брюки она практически не носила, стараясь с юности казаться как можно женственнее и боясь упреков в том, что она феминистка, суфражистка, синий чулок и так далее. Странно, до чего люди не любят, когда кто-то делает хоть что-нибудь не так, как все. Хотя она, в сущности, не делала ничего особенного, просто любила учиться, получила хорошую работу и докторскую степень; развелась с первым мужем и долгое время предпочитала жить одна, рассчитывая только на себя, и, казалось бы, ничем не оскорбляла общественного вкуса и не шла против общепринятой морали, но коллеги, а особенно соседи и родственники не уставали давать ей советы, как надо жить, и считали ее...ну... немного странной. Неправильно живущей. Слишком независимой. Феминисткой. Этот ярлык почему-то у многих ассоциировался именно с ней.

– Придется надеть черное платье, – вздохнула она, – это единственное, что устроит Элиф. А в университете я его длинным пиджаком прикрою, клетчатым, а то слишком нарядно. Студентки ничего слушать не станут, будут меня разглядывать.

– И студенты тоже. Кажется, мне перестает нравиться твоя работа.

– Меня, между прочим, твоя тоже не радует. Моя по крайней мере не опасна для жизни. И всегда известно, когда я вернусь.

– Да, кстати, – Кемаль резко сменил направление разговора, потому что было абсолютно ясно: ни он, ни его жена, даже если будут обеспечены, ни за что не бросят свою работу, – а когда ты вернешься? Тебя встретить? Во сколько эти золотые дни заканчиваются?

– Не знаю. Наверно, когда все отравятся и умрут.

– Смотри, дошутишься! Помнишь, как было с Сибел? Тебе противопоказано производить первое, что приходит в голову. Это надо законом запретить!

Случай с Сибел, соседкой, подругой, убийцей, действительно был крайне странным, почти невероятным. Увлекавшаяся астрологией София любила повторять, что Рыбы – а Айше родилась в марте – обладают даром предвидения, но в ее жизни он почему-то никак практически не проявлялся. И вдруг такое! Сибел решила использовать наивную и не умеющую отказывать подругу в сложном и математически продуманном плане создания своего алиби. Но когда она позвонила Айше и ловко изобразила волнение из-за того, что полиция интересуется какой-то пропавшей девушкой, то в ответ услышала неожиданную и ошеломившую ее фразу: «Ну и что ты переживаешь? Ты, что, убила эту девицу?». А это было именно так.

В кои-то веки созвездие Рыб вспомнило про свою подопечную – иначе Айше никак не могла объяснить, откуда прилетели к ней такие слова. Правда, больше с ней такого никогда не случилось, и они с мужем давно превратили пресловутый дар предвидения в тему для шуток.

Подготовка к золотому дню, точнее, серьезное отношение к этому мероприятию золовки отвлекло Айше от мыслей о главной цели ее выхода «в свет». Вчерашний вечер пришлось посвятить маникюру и приведению в порядок прически, и только сейчас, подходя к высокому дому с большими полукруглыми балконами и красивой чугунной оградой, пытаясь пристроить пакет с туфлями в менее замерзшую руку, она произнесла то, что подумала:

– Сегодня, наверно, только и разговору будет, что о ваших отравлениях.

– Вовсе нет, – с каким-то недоумением посмотрела на нее Элиф. – С какой стати? Никто же ничего не подозревает.

– То есть как это? – Айше чуть не остановилась от удивления, но ветер, дувший как будто со всех сторон сразу, поторопил ее к теплому подъезду.

– Очень просто. Я никому ничего не говорила, а обсуждала отравления с каждой по отдельности.

Айше удивилась еще больше. Ничего себе! Оказывается, ее простоватая золовка способна на такие подвиги! Никому ничего не сказать о произошедших так взбудораживших ее совпадениях, да еще самостоятельно свести воедино всю нужную информацию! Скорее всего, она себя переоценивает: наверняка ее вопросы всех насторожили, возбудили любопытство, и остальные женщины не могли не обсудить все случившееся. Кроме того, любая из пострадавших могла и без ведома Элиф прийти к тем же выводам.

– Неужели ты думаешь, что они... («Как бы это сказать повежливее «глупее тебя»?») – мелькнула мысль и породила другую: «Сегодня надо весь вечер следить за речью!») ничего не подозревают?

– Уверена. Никто из них и внимания на все это не обратил. Я же не спрашивала их напрямую: «Не было ли тебе, дорогая, дурно после похода в гости?»

– А что же ты спрашивала?

– Ничего. Некоторым жаловалась на плохое самочувствие, а потом слушала, кто что скажет, некоторые сами принимались жаловаться.

Вот это да! А ведь только что хотела ей посоветовать не считать подруг глупее себя! Действительно, никого нельзя недооценивать. Похоже, Элиф, сама о том не догадываясь, весьма грамотно проделала работу хорошего оперативника. Если только все обстоит так, как ей представляется. Все-таки маловероятно, чтобы хорошо знакомые женщины...

– Но, абла, маловероятно, чтобы они ничего не обсудили между собой. Они могли тебе и не сказать, но наверняка все друг с другом поделились своими неприятностями.

– Ты не понимаешь, – чуть раздраженно посмотрела на нее золовка. – Мы в прошлый раз были у Эминэ, и отравились Гюзель, София, Семра и я. Софии я даже не жаловалась, не успела, только спросила «Как дела?» – она мне сама и рассказала. Так что про меня она не знает; с Гюзель они поругались, значит, разговаривать не будут; с Семрой она практически не общается. Семра ничего не скажет Эминэ, чтобы не обидеть; может сказать Селин, но та сама не отравлялась и моментально забудет; вообще у Семры проблемы с мужем, так что ей не до этого. Гюзель общается с Диларой, но они обе много работают, а Дилара сама тоже ни разу не отравилась, ей не с чем будет сопоставить, а Джан...

Айше мгновенно заблудилась в этом потоке, хотя внимательно слушала, пытаюсь представить все рассказываемое Элиф в виде схемы, в какие она любила сводить системы персонажей литературных произведений, чтобы студентам было легче их запомнить. Она мысленно проводила стрелочки от одного кружочка к другому, но действующих лиц было слишком много, знала о них Айше мало и вдобавок никогда не видела, а информацию на слух воспринимала плохо. Впрочем, если что, золовка сможет это все повторить. Вон как ей это просто, а Айше путалась в именах и хитросплетениях их взаимоотношений.

– А в позапрошлый раз?

– Тогда собирались у меня, и я выяснила только, что плохо было Семре, Джан и Эминэ. Может, и кому-то еще, но либо они мне не захотели говорить, либо им было не так плохо, как, например, мне, и они этому значения не придали. Но дело не в этом. Подумай сама: в прошлый раз, у Эминэ, никто не обсуждал, что кто-то чем-то отравился. Значит, они и думать об этом забыли, а вспомнили, только когда я стала жаловаться. А Джан вообще не уверена, что это было именно после золотого дня, она сказала «через день или два», но я думаю, что она ошиблась. Из всех одна только Семра заметила, что как золотой день, так ей сразу плохо.

– То есть, – попыталась вспомнить мысленно нарисованную схему Айше, – она единственная, кто отравился оба раза? Как ты сказала? В первый раз Джан – предположительно, Семра и Гюзель...

– Эминэ, – поправила Элиф. – У меня отравились Семра, Эминэ и Джан. А у Эминэ – Гюзель, София, Семра и я. Правильно, два раза только Семра, я тоже заметила.

– И, скорее всего, эта тема сегодня так или иначе выплывет, – подумала вслух Айше. – Но мы будем молчать, да?

– Ну не хочешь же ты, чтобы все узнали, что я обращалась в полицию и специально привела тебя... Ой, вот Филиз идет! – с другой стороны к подъезду подходила невысокая, довольно полная женщина, обтянутая узкими черными джинсами, и лицо Элиф мгновенно изменилось. На нем не осталось ничего, кроме радости и доброжелательности.

Айше собралась с духом, улыбнулась, приготовилась к церемонии приветствий, поцелуев и взаимных представлений и благополучно пережила ее, жалея только о том, что все это происходит на улице, а не в тепле. Войти в подъезд с двумя не представленными друг другу по всем правилам знакомыми противоречило представлениям Элиф о хорошем тоне и элементарной вежливости. Наконец она нажала кнопку домофона, дверь распахнулась, и они оказались в чистом и теплом, отделанном мрамором подъезде.

– Не закрывайте! – услышала Айше и, поскольку пропустила обеих спутниц вперед, придержала тяжелую красивую дверь.

К ней спешила по дорожке очень худая и какая-то изможденная женщина неопределенного возраста. Она была смугла, озабоченное лицо почти не накрашено, и ей можно было с равной долей вероятности дать и тридцать пять, и все шестьдесят. Длинное пальто темно-коричневого цвета было когда-то очень модным, и из-за этого сейчас его пышные, собранные у плеч в складки рукава выглядели жалко и убого.

– Спасибо большое, – запыхавшись, произнесла она и тем же быстрым шагом прошла в глубь подъезда, направляясь к лестнице. Айше машинально пошла за ней.

– Вы куда это, сударыни? – раздалось откуда-то слева.

Там, в небольшом холле с вьющимися по стене растениями, Элиф и Филиз ждали лифта. Мигающее табло показывало, что он на четвертом этаже и едет вниз. – На седьмой этаж пешочком?

– Познакомься, Семра, это Айше, жена моего брата.

– Здравствуй, Филиз, как дела? Очень приятно! Мне тоже! Здравствуй, Элиф! – все это прозвучало одновременно, чередуясь с вежливыми поцелуями, при которых главная задача участниц – как можно меньше соприкасаться щеками и губами, чтобы не смешать свой и чужой макияж.

Лифт подъехал, и Элиф распахнула дверь.

– Мы не уместимся вчетвером, абла, я могу пойти пешком, я всегда хожу, – Айше терпеть не могла лифты и пользовалась ими только при крайней необходимости.

– Я тоже, – откликнулась смуглолицая худая Семра, делая даже шаг назад. – Я живу на пятом и всегда хожу пешком.

– Ах, перестаньте, девочки, – Филиз решительным движением втянула Семру в лифт. – Все здесь прекрасно уместимся, мы же не толстые. Заходите, Айше, милая, не бойтесь: этот лифт на четырех человек, написано же.

– Я не боюсь, – запоздало сказала Айше, когда лифт уже тронулся. Хотя в глубине души она и правда слегка побаивалась.

Проведшая детство в маленьких домишках, отделенных от земли всего несколькими ступеньками, она впервые увидела лифт лет в пятнадцать и до сих пор сохранила к нему какое-то нехорошее чувство. Особенно ей не нравилось ездить в лифте одной: вдруг застрянет или... ну... мало ли что? Техника все-таки. Входя в лифт, она всегда сначала осторожно ставила в него одну ногу, словно проверяя, не провалится ли пол кабины в шахту, и только после этого переносила на нее центр тяжести. С годами она научилась делать это быстро и совершенно незаметно для окружающих, но не для себя, и небрежно-веселое «не бойтесь» неожиданно попало в точку.

Лифт ехал быстро, не то что в ее бывшем доме, где она изредка поднималась-таки на нем на свой четвертый этаж. Но лифт там полз так мучительно медленно, что она каждый раз успевала десять раз пожалеть, что не воспользовалась лестницей. А ее новое жилище было, к счастью, на третьем этаже, и в этом доме она еще ни разу не заходила в лифт. Вон Семра говорит, что ходит на пятый, и ничего. А лет ей все-таки скорее под пятьдесят, и вид усталый.

Четыре женщины стояли вплотную друг к другу; запахи духов, дезодорантов и пудры смешивались, создавая тяжелую духоту; подруги не умолкали ни на секунду, говоря непонятно о чем, и лифт быстро вез их на седьмой этаж навстречу таким же надушенным и напудренным дамам, к таким же безмолчным бестолковым разговорам, и Айше вдруг почему-то показалось, что ей надо непременно, обязательно запомнить это мгновение со всеми незначительными подробностями, словами и запахами. Но она отбросила эту неясную мысль и ничего не запомнила.

Глава 3

1

На секунду у нее возникла иллюзия, что она снова очутилась в университете.

Тихая просторная прихожая – а за дверью вдали специфический шум множества ведущихся одновременно громкими голосами разговоров, шум, в котором можно иногда вдруг различить отдельное слово, или бессмысленно вырванный из связного диалога кусочек фразы, или неожиданный взрыв смеха. Она всегда слышит эту какофонию, подходя к аудитории. Потом студенты замечают преподавателя, умолкают или переходят на шепот, рассаживаются по местам, общий гул переходит в шорох доставаемых тетрадей и убираемых сумок, и после минутной суеты воцаряется относительная тишина. Можно начинать лекцию.

Дамы, сидевшие в гостиной, не замолчали. Наоборот, голоса стали громче, реплики отчетливее, интонации воодушевленнее. Потом, когда ей пришлось, напрягая память, восстанавливать все происшедшее и сказанное в этот вечер, Айше не могла отделаться от ощущения постоянного шума, мешающего вслушиваться в множество ведущихся в разных концах гостиной разговоров. Их невозможно было уловить все: дамы почти не вели общей беседы, она распадалась на отдельные куски, но они как-то ухитрялись слышать и понимать друг друга. И, что самое удивительное, получать удовольствие от такого общения.

В первый момент у Айше, вошедшей в гостиную, разбежались глаза.

Следующим впечатлением после шума было впечатление от блеска. Слишком много блеска. Сверкали всеми своими хрусталиками зажженные люстры, переливались всеми гранями бокалы и вазы, блестели явно вымытые накануне стекла и зеркала, да и сами женщины как будто излучали сияние.

Айше даже не сразу поняла, сколько их. Бросилась в глаза очень толстая дама, похожая на витрину ювелирного магазина, и совсем не вписывающаяся в декорации коротко стриженная молодая девушка. Дверь, правда, тоже открывала молодая особа, но та, судя по всему, была здесь платной или бесплатной помощницей. Во всяком случае никто, кроме Айше, не обратил на нее ни малейшего внимания, ограничься минимальным «Добрый вечер!»

С красивого светлого кресла красивым, почти царственным движением поднялась навстречу вошедшим хозяйка. В ушах и на руках мерцали бриллианты, на в меру накрашенном, приятном лице мерцала приятная улыбка, прическа как будто только что от парикмахера и, похоже, не тронута этим ужасным, все сметающим ветром. Айше приостановилась, ожидая своей очереди быть обцелованной и обласканной королевой вечера.

«Вот, значит, как это раньше бывало», – она вспомнила сразу обо всех многократно читанных романах, где героини посещали салоны, где у важных персон были специальные приемные дни, где полагалось отдавать лакеям визитные карточки и где разговоры, ведущиеся на званых вечерах, составляли основную часть действия. Наверное, именно в таких гостиних сживали героини Голсуорси и Джейн Остен, недавно перечитанного ею русского Толстого и Маргарет Митчелл, на подобных собраниях устраивались и расстраивались свадьбы, заключались пари и помолвки, создавались и уничтожались репутации, тайно передавались любовные записки и вызовы на дуэли, решались чьи-то судьбы и разбивались сердца, а улыбки и хорошие манеры скрывали неприязнь и ненависть, любовь и зависть, горе и искреннюю радость.

Только здесь не было мужчин.

«Я попала в роман», – стараясь, чтобы ее любопытство не слишком бросалось в глаза, Айше потихоньку озиралась, наблюдая присутствующих.

Хороши! Они все были хороши и эффектны.

Немолоды, да, но для своего возраста выглядели безупречно. Руки с кольцами и постоянным маникюром, запястья с золотыми браслетами, продуманно нарядные блузки и платья, скрещенные щиколотки и туфли на высоких каблуках плюс огромная, обставленная дорогой мебелью гостиная с кружевными занавесками и бархатными портьерами, гобеленами, картинами в пышных рамах и напольными вазами – все это сливалось в единое впечатление чего-то дорогого и изысканного, слишком, может быть, изысканного, чтобы быть подлинным, и навевало воспоминания о давно канувшей в Лету или никогда не существовавшей книжной жизни прошлого и позапрошлого века.

– Здравствуйте, Айше, дорогая, мы все рады вас видеть, Элиф столько о вас рассказывала, – заговорила, обращаясь к ней, хозяйка, и Айше, отвечая, улыбаясь и кивая, пыталась стряхнуть наваждение, вернуться к реальности и понять, кто есть кто. Она надеялась увидеть знакомое лицо Софии, а не обнаружив ее, остановила взгляд на молодой девушке, рассчитывая, что эта вполне современная особа не позволит ей завязнуть в вымышленном литературном мире.

Девушка, похоже, скучала и вовсе не была очарована происходящим. Айше показалось, что она нарочно оделась как можно небрежнее, чтобы не подыгрывать остальным. Ведь есть же нарядная и модная одежда для молодежи, но девица почему-то предпочла джинсы и самый обыкновенный, хоть и выглядевший дорогим свитер. Толстая ювелирная дама, сидевшая рядом с ней, зашевелилась и не без труда поднялась поприветствовать вошедших.

Айше была последней из этой четверки, она поняла, что ей полагалось вслед за ними обойти сидящих в гостиной женщин и поздороваться, слегка прикладывая щекой к щеке, с каждой. Впереди нее всю осуществляли эту церемонию Филиз, Семра и опекающая ее Элиф.

После хозяйки – Айше еще дома выучила, что ее зовут Лили – она подошла к очень красивой даме в лилово-сиреневой блузке и поняла, что первое впечатление от компании и обстановки во многом связано с нею. Жаль, что это не ее собственная гостиная. Она куда красивее Лили, причем естественной, а не сделанной красотой, ей бы очень подошел весь этот антураж с мерцающим хрусталем и гобеленами.

«Надо сделать большую уборку, – ни к селу ни к городу подумала Айше, – у нас, в сущности, тоже неплохая гостиная».

И ей самой стало смешно от этой несуразной мысли, потому что «уборка», после которой ее собственная гостиная стала бы хоть отдаленно походить на музейный зал, принадлежащий Лили, обошлась бы в ее годовую зарплату и включала бы скорее всего переезд в другую квартиру.

«Мы в разных весовых категориях, – успокоила она себя, – но, наверное, стремление к роскоши заразительно. Для меня иметь такую гостиную – такая же недостижимая вещь, как стать такой же красивой, как... да, как Эминэ. Запоминай-ка имена и занимайся слежкой, а не мечтай о ерунде. Впрочем, слежка уж точно ерунда!».

Следующая дама была маленькая, щупленькая, с золотыми очками на тонком, чуть длинноватом носике, с забавной прической, делавшей ее почему-то похожей на болонку. Айше вспомнила, как кто-то, кажется, какая-то студентка, называл такие маленькие хвостики по бокам при распущенных волосах «кошкины ушки». На молоденьких девчонках они смотрелись очаровательно – кокетливо и мило. Но мадам... Селин, запоминаем! – так вот этой мадам явно вокруг пятидесяти. Что же сии «кошкины ушки» означают? Сама себя не видит в зеркале и искренне полагает, что с ними выглядит моложе? Впала в детство? Причесывалась так всю жизнь и не желает менять привычки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.